

裏切りの
黄金時代

ЗОЛОТОЙ ВЕК ПРЕДАТЕЛЬСТВА

ТЕНИ ЗАЕЗЖЕГО
БАЛАГАНА

ДАРЬЯ КОЧЕРОВА

ФантАзия

Дарья Кочерова

**Золотой век предательства.
Тени заезжего балагана**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кочерова Д.

Золотой век предательства. Тени заезжего балагана /
Д. Кочерова — «Издательство АСТ», 2023 — (ФантАзия)

ISBN 978-5-17-158619-5

Якудза, видящая духов. Монах, несущий за собою смерть. Наследный принц, заточённый в теле обезьяны. Колдун-отступник, готовый на всё, лишь бы обрести свободу. С приездом балагана тени над Ганрю сгущаются всё сильнее. И после финального представления уже ничто не останется прежним...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158619-5

© Кочерова Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Уми	9
Глава 2. Тэцудзи	16
Глава 3. Уми	22
Глава 4. Рюити	30
Глава 5. Уми	37
Глава 6. Горо	45
Дайсин. 25 лет назад	57
Глава 7. Уми	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Дарья Кочерова
Золотой век предательства.
Тени заезжего балагана

© Дарья Кочерова, 2023
© Боглаева И., иллюстрация
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Человек, чьё лицо было скрыто чёрным платком – лишь тёмные глаза блеснули в сгущавшихся сумерках, – притаился в тени священного дерева сакаки. Толстая рисовая верёвка симэнава, обнимающая крепкий шероховатый ствол дерева, таинственно белела, словно оскал какого-то древнего духа.

Человек начал поиски со святилища Речного Покоя. Оно было небольшим и старым – тёмное дерево, из которого сложено здание храма, совсем потемнело от времени и непогоды. Похоже, подношений у этого святилища совсем немного, раз храм давно не перестраивали. Тем лучше – прихожанам было бы жаль потраченных денег.

Рассвета святилище Речного Покоя уже не увидит.

Человек некоторое время наблюдал за святилищем и потому знал, что дважды в день сюда приходил молодой священник из соседнего храма, что в Тюсю. Утром он зажигал благовония и возносил молитвы, а вечером сметал пепел с алтаря, запирали ведущие в храм двустворчатые двери и уходил.

Сегодня всё повторилось в точности как и днём ранее. Когда шаги молодого священника стихли вдалеке, а с рыбного рынка неподалёку разъехались последние припозднившиеся торговцы, человек выбрался из своего убежища и зашагал к запертому храму.

Единственный ключ унёс с собой молодой священник, но замки уже давно не были для человека помехой. Он снял с руки тёмную перчатку, обнажив тонкие и изящные пальцы, и коснулся замка. Глаза человека полыхнули синим – то были отголоски магии, что он пропускал через себя, – и покорёженный замок глухо звякнул о дощатый пол веранды для молений.

Когда человек потянул двери на себя, они натужно закричали, словно пытались отогнать взломщика, желавшего проникнуть в секреты святилища. В храм не допускались посторонние: только священнослужители могли находиться там. А прихожанам разрешалось взглянуть на внутреннее убранство храма лишь по большим праздникам.

Человека скрип двери не обескуражил. Даже если его проникновение в храм не осталось незамеченным, он всё равно уберётся отсюда раньше, чем кто-то успеет поднять тревогу.

В неверном свете недавно вошедшей луны скромное убранство храма казалось совсем призрачным. С деревянных стен на вошедшего скалились изображения Великого Дракона – покровителя воды, небес и империи Тейсэнь.

Но человек не убоился грозного взгляда Владыки. Он неспешно проследовал в самый дальний угол святилища и снял с пояса небольшую клетку с частыми прутьями. В ней билась стайка бабочек-огнёвок. Некоторые насекомые, уже мёртвые, лежали на дне клетки. Крылышки их печально поникли, яркая пыльца потускнела.

Но ничего, совсем скоро цвет жизни, пускай и ненадолго, снова вернётся к ним.

Человек что-то тихо прошептал над клеткой, и бабочки замерли. Когда его глаза снова полыхнули синевой, сияние это отразилось и на крылышках огнёвок. Человек открыл клетку, и бабочки одна за другой – даже до того мёртвые насекомые – поднялись со дна клетки и последовали за своими товарками, вылетели на свободу и принялись порхать вокруг человека. От крыльев их на стенах заплескались чудовищные тени, словно полчище злых духов вдруг вырвалось из самых тёмных недр земли.

Чем дальше летали бабочки, тем больше становились они, и вскоре им стало так тесно в крохотном святилище, что они начали задевать стены своими крыльями, охваченными синим пламенем. И те вспыхивали: резьба на стенах обугливалась, пожираемая ненасытным колдовским пламенем, с грохотом рушились потолочные балки и проседал старый дощатый пол. Человек же спокойно взирал на учиняемое бабочками разрушение, и ни искры от синего пламени, ни обломки сыпавшегося отовсюду дерева не причиняли ему вреда.

Вскоре всё было кончено. Где-то в отдалении послышался тревожный звон колокола с пожарной вышки: похоже, дозорный наконец заметил поднимавшийся от святилища дым. Скоро сюда набегут люди, но к этому времени человека здесь уже не будет.

Он поворошил ногой тлеющие угли и окинул внимательным взглядом всё, что осталось от святилища Речного Покоя. Истина всегда проявлялась в пламени, но ни единого отголоска силы не почувствовал человек, ни единого отблеска ки не выхватили из темноты его зоркие глаза.

Того, что он искал, в этом святилище никогда не было.

Чтобы не попасться никому на глаза, человек спустился к реке. Ито несла свои холодные воды прямо с горы Санхó. Три её вершины – заснеженные пики, которые ещё никому не удавалось покорить, – возвышались где-то далеко в темноте, на северо-востоке от Ганрюб. С тех пор, как человек приехал в эти края, он всегда ощущал, как гора довлела над ним, словно усмехалась в лицо всем, кому никогда не удастся и близко подобраться к её неприступным высотам.

Обеспокоенные крики тех, кто первым подоспел на пожарище, вывели человека из раздумий. Он бросил последний взгляд во тьму – туда, где возвышалась Санхо, – прежде чем войти в холодную реку и отдаться воле течения.

Когда он найдёт то, что ищет, этот мир изменится. Навсегда.

Глава 1. Уми

Уми знала, что игрок в карты мухлевал, но сколько бы она ни пыталась подловить его, всё без толку.

Хотя Уми ещё не было и двадцати, у неё уже имелся довольно богатый опыт общения с далеко не самыми благополучными слоями общества. Всё потому, что последние пару лет она помогала отцу вести дела в крупном игорном доме Ганрю, который расположился в подвале харчевни «Толстый тануки».

Изначально это место было простым трактиром, на втором этаже которого хозяйка сдавала несколько небольших комнат. Сам же игорный дом обустроили в подвальном помещении всего каких-то три года назад, но за это время он уже успел снискать расположение как у простого народа, так и у горожан побогаче. Хотя игорный дом и держали якүдза, выпивку они не разбавляли, да и вели себя с гостями безукоризненно вежливо, если те не давали повода для ссоры. Вот люди и возвращались в «Тануки» снова и снова, зная, что в тихом зале, где бдительная охрана всегда поддерживала порядок, им удастся отдохнуть после тяжёлого трудового дня – и, может, даже что-нибудь выиграть.

Игорный дом начинал работу только вечером, с часа Собаки или даже Кабана¹: вести подобные дела в открытую было запрещено законом, но полностью прикрыть такие заведения полиция всё же не могла. Слишком большое влияние во всей восточной провинции имел клан Аосаки и его глава, Итирб Хаяси. А кому была охота наживать себе такого опасного врага?

За годы работы в игорном доме Уми навидалась достаточно, чтобы суметь окончательно разочароваться людях. На её глазах порой разворачивались сцены величайшей человеческой мерзости и подлости. Кто-то мог продать за долги своих детей в бордель или театр, а некоторые даже умудрялись проигрывать собственную свободу и попадали в полное распоряжение клана Аосаки – разумеется, до той поры, пока не выплатят все долги. Чем-чем, а работорговлей якүдза не занимались – им и без того хватало забот.

А были и такие люди, как Косой Эйкити. Им страшно не везло, но вовремя останавливаться они не умели.

Косой Эйкити был невысоким и жилистым мужичком лет сорока. Насколько Уми было известно, ни жены, ни детей у него не было – как и места, где он мог бы преклонить голову. Косой Эйкити был частым гостем «Тануки» – вот только приходил он уже под самое закрытие игорного дома, к часу Тигра². Раньше такой сброд в игорный дом попросту не пускали, чтобы не распугать более состоятельных гостей. За отведённый ему час Косой Эйкити успевал проиграть всё своё скромное дневное жалованье, которое ему выплачивали за уборку мусора и разгрузку торговых лодок в портовом квартале. На памяти Уми ставки, которые делал Косой Эйкити, ни разу не выигрывали.

Тем удивительнее было, что этим вечером дела обстояли с точностью до наоборот.

Выигранные деньги Косому уже некуда было складывать, и потому раздатчику пришлось отдать ему один из опустевших кошель. Уми же ни на шаг не отходила от бродяги, пытаясь разгадать, в чём секрет его невиданной удачи. Она не сомневалась, что Эйкити жульничал, вот только в чём было дело, Уми так и не могла взять в толк, и это её очень злило. Основная работа Уми как зрителя игорного зала заключалась в том, чтобы пресекать любые попытки игроков смухлевать. Но если кто-то всё же попадался, она передавала таких отличившихся охране, чтобы те спровадили их из «Тануки» как можно дальше. А заодно и отбили всякую охоту впредь обманывать якүдза.

¹ С 20 и 22 часов соответственно.

² Временной отрезок с 4 до 6 часов утра.

В конце концов, устав таскаться за Косым Эйкити по всему залу, Уми уселась у деревянной стойки, за которой сегодня дежурил сам управляющий игорным домом, Ёсио Мёрита. На первый взгляд этот молодой и большеглазый мужчина производил впечатление самого наивного и мягкого человека на свете. Но это было большим заблуждением: столь лихого и удачливого игрока в карты Ганрю не видывал давно! Итиро Хаяси так и заприметил этого парня, когда тот трижды обыграл его, будучи ещё сопливым и нескладным подростком.

Правда, была у этой удачливости и обратная сторона. Как-то человек, который сильно проигрался Ёсио, подкараулил его со своими друзьями в подворотне. На память о той злополучной встрече у Ёсио на лице остался кривой и уродливый шрам – он спускался по правой щеке к самому основанию шеи. Ёсио часто шутил, что теперь он отмечает свой день рождения дважды в году, и вторая дата как раз выпадает на тот день, когда он понял, что после нападения не истечёт кровью, а выживет – назло всем своим завистникам и должникам.

– Что, совсем умаялась? – спросил Ёсио, с сочувствием покосившись на Уми.

Она сидела, облокотившись на стойку, и сверлила спину Косого Эйкити мрачным взглядом.

– Да оставь ты его, – протянул Ёсио и скрылся за стойкой, зазвенев бутылками. – Должно же человеку когда-то повезти.

– Слабо мне верится в такое везение, – покачала головой Уми. – Он же неудачник, каких ещё поискать. Такое за одну ночь не выправишь.

Ёсио вдруг придвинул к Уми наполненную рюмку, а когда она подняла на него удивлённый взгляд, заговорщически подмигнул ей.

– От меня оябун³ ничего не узнает, – улыбнулся он ей. – А жить станет чуточку легче, поверь. Так что пей.

Уми понюхала содержимое рюмки. Саке. Она залпом опрокинула рюмку и с громким стуком поставила её на столик. Отец и впрямь не одобрил бы её увлечения вином, но другого способа справиться с усталостью Уми пока отыскать не удалось.

Обычно Ёсио не разрешал своим работникам выпивать во время смены. Чтобы подавать остальным пример, он и сам ни капли в рот не брал, пока в игорном доме оставался хоть один гость. Но иногда Ёсио всё же позволял пойти против собственных правил, правда, делал это только в самом крайнем случае.

Порой даже одна рюмка саке могла сотворить настоящее чудо. Уми почувствовала, как напряжение, в котором она пребывала весь вечер из-за странностей с Косым Эйкити, стало потихоньку уступать безразличию. Выигрывает? Ну и демоны с ним!

Уми тоскливым взглядом окинула почти пустой зал. Время было позднее, большинство гостей уже разошлись – лишь Косой Эйкити и ещё какой-то мужичок продолжали играть за самым дальним от стойки столом. Обычно Уми оставалась после смены, чтобы помочь Ёсио и раздатчикам убратся в зале, но сегодня она чувствовала, что сил ей хватит только на то, чтобы доползти до дома, завалиться на футон и проспать до следующего утра.

Глядя на дно опустевшей рюмки, Уми погрузилась в раздумья. Конечно, она в любой момент могла сказать отцу, что хватит с неё игорного дома, что она устала. Но тогда Итиро больше не позволит ей вмешиваться в дела клана. И тут уже никакие уговоры не помогут: иногда отец мог проявлять удивительное упрямство. Он полагал, что, если берёшься за какое-нибудь дело, то нужно непременно довести его до конца. И неважно, плохо ли тебе, тяжело ли. «Если ты не можешь стерпеть даже такой малости, то и говорить больше не о чем» – вот что сказал бы ей Итиро Хаяси в ответ на все жалобы.

Но Уми не была бы дочерью своего отца, если бы не унаследовала от него упрямство и настойчивость, благодаря которым Итиро Хаяси в своё время удалось добиться таких высот в

³ Обращение к главе клана якудза.

клане. Уми не собиралась так просто отказываться от преимуществ, которые давала ей работа в «Тануки». Игорный дом посещали не только якудза из клана Аосаки, но и богатые и именитые горожане. Многим из них Уми примелькалась, а некоторые даже очевидно благоволили ей. Все эти связи могли оказаться полезными в будущем, когда расстановка сил в клане начнёт меняться.

Как ни горько было это признавать, но отцу не удастся удерживать власть в Аосаки-кай вечно. И потому уже сейчас Уми начала делать всё от неё зависящее, чтобы к тому моменту укрепить своё положение в клане и не остаться не у дел.

Ещё одним очевидным преимуществом работы в игорном доме была осведомлённость: некоторые новости Уми узнавала даже раньше, чем их докладывали отцу. «Толстый Тануки» стоял почти на самой окраине города, и потому в нём часто останавливались нарочные или путешественники, которые ехали верхом через горы. Новости из столицы и других западных земель растекались по городу, как потоки воды, орошающей рисовые поля. И Уми было приятно стоять рядом с теми, кто эти потоки запускал. Ей нравилось быть в самой гуще событий, чувствовать свою причастность к жизни Ганрю и клана. Так, например, неделю назад она узнала о приезде балагана. Длинный обоз бродячих артистов, который поднял пыль на пустыре Танигути чуть ли не до самого неба, Уми видела своими глазами. Отцу же о прибытии балагана доложили только к обеду.

Лишиться всего, чего она с таким трудом добилась, просто потому, что, видите ли, устала? Ну уж нет! Уми помнила, с какой неохотой отец разрешил ей работать в игорном доме и как первые месяцы она чуть ли не с ног валилась от усталости после каждой смены. Поначалу Уми работала раздатчицей карт. Ей приходилось следить за нишей с деньгами, вделанной внизу каждого игорного стола, раз за разом твердить заученные фразы, успокаивать не в меру разбушевавшихся гостей или занимать беседой особенно болтливых товарищей, даже если она едва могла ворочать языком под конец рабочего дня. Или, если говорить точнее, утра.

Но и толком отсыпаться днём ей не давали. Совсем скоро Уми должна была, как говорили старики, «войти в возраст невесты». А это означало, что нужно было заниматься шитьём и готовить приданое. Хотя Уми и была дочерью главы клана Аосаки, она прежде всего оставалась женщиной, которая в будущем своём вряд ли могла рассчитывать на что-то иное, кроме удачного замужества...

Заливистый и визгливый смех Косого Эйкити, который вдруг раздался из дальнего конца зала, вывел Уми из размышлений. Пускай она и намеревалась в будущем принести клану Аосаки большую пользу, начинать нужно было с малого.

Выпитое саке придало ей решимости, и потому Уми покинула стойку и направилась к столу, за которым играл Косой.

Раздатчик карт с нескрываемым недовольством поглядывал на вконец разошедшегося бродягу. Когда Уми подошла к столу, он тихонько пожаловался ей:

– Заговорённый он какой-то сегодня, не иначе! Я уже столько раз пытался карты подмешать, чтобы он проигрался, а колода как будто не слушается – выпадает ровно то, на что он ставит!

Иногда раздатчики могли подтасовывать карты, когда видели, что человек поймал неслыханную удачу. Они так хорошо знали свои колоды, что для них не составляло никакого труда ловко вытянуть при тасовке самую редкую карту, которую обычно не мог отгадать никто. Но делалось это нечасто и с особого разрешения управляющего – за любое недовольство гостя отвечать пришлось бы лично раздатчику.

Уми перевела взгляд с колоды, которую раздатчик сжимал в руках, на Косого Эйкити, расплывшегося в довольной ухмылке. В напарники ему достался такой же проспиртованный работяга, как и он сам, – с той лишь разницей, что противник Эйкити раз за разом проигрывал, тогда как Косой продолжал набивать карманы своих заношенных и давно не стиранных шта-

нов-хакáма. Тяжесть монет заметно оттягивала карманы – и сами штаны, – и потому Эйкити то и дело приходилось поправлять пояс правой рукой...

И тут Уми осознала, что было не так во всей удачливости Косого Эйкити. Она столько раз видела, как он тасует свою колоду и тянет из неё карту за картой, что не сразу заметила, что сегодня он делает это не той рукой, что обычно.

Косой Эйкити был левшой, а карты этим вечером он тасовал правой рукой. Вот она, разгадка!

Теперь осталось только поймать этого хитреца с поличным.

– Ну что, приятель, долго нам тебя ждать? – нетерпеливо протянул Эйкити и постучал костяшками пальцев по столу.

В любое другое время Уми сделала бы ему замечание и попросила быть повежливее. Но сегодняшний день разительно отличался от предыдущих, так что и действовать следовало иначе.

– Отдохни пока, – краешком губ улыбнулась она раздатчику. – Я подменю тебя.

Хотя Уми уже несколько месяцев не работала у столов, но пальцы не утратили былой сноровки. Она ловко перетасовала карты и поочерёдно вытащила из колоды четыре штуки, разложив их в ряд на столе рубашками вверх. Игроки проделали со своими колодами то же самое, вот только карты они тащили не наугад. Суть игры заключалась в том, чтобы угадать выложенную раздатчиком комбинацию. Чем больше карт угадаешь, тем солиднее окажется выигрыш.

– Господа, ваши ставки приняты, – проговорила Уми заученную реплику, а сама не спускала глаз с рук Эйкити. – Открываю карты.

Уми и игроки начали переворачивать карты одну за другой. Бросив быстрый взгляд на их ставки, Уми поразились: Косой Эйкити угадал все четыре выложенные ею карты, а его соперник – всего одну.

«Владыка тебя разорви, как ты это сделал?» – поразились Уми, но вслух сказала:

– Поздравляю. Получите ваш выигрыш.

Из ниши в игорном столе она достала почти пустой кошель и отсчитала игрокам положенное количество сэнов.

– Желаете сыграть ещё раз? – спросила она.

Соперник Эйкити отказался делать ставку. Он отошёл к стойке, заказал себе выпивку, а потом вернулся и уселся с краю стола, чтобы посмотреть, чем окончится очередная партия.

Эйкити же, как и рассчитывала Уми, остался играть. Он потирал ладони, предвкушая очередную победу, а Уми не сводила глаз с его рук.

«Я добьюсь, чтобы ты выдал себя, – словно молитву, твердила про себя Уми, раскладывая новые карты. – Я тебя поймаю, мелкое ты жульё, и всё твоё новообретённое богатство исчезнет, как облако над горой!»

Когда настала пора Эйкити выкладывать карты, взгляд Уми вдруг упал на его правый рукав. Только благодаря этому она увидела, как там что-то зашевелилось. На какой-то миг Уми даже показалось, что в глубине рукава она увидела блеск чьих-то красноватых глазок...

– А ну стой! – воскликнула она, не дав Косому положить последнюю карту. – Покажи-ка, что у тебя в рукаве.

– Вот же приставучая девка! – вскричал Эйкити, метнув на неё злобный взгляд. – Ходишь за мной весь вечер, заглядываешь под руку, и всё-то тебе мало!

Уми не обратила внимания на брань, которая на неё посыпалась. За долгое время работы в игорном доме она и не такого наслушалась.

Эйкити собрался было положить карту на стол, но Уми перехватила его руку.

– Рукав выверни, – процедила она. – Откажешься – и больше я тебя к «Тануки» на пистолетный выстрел не подпущу, понял?

Косой Эйкити осклабился, но перечить не стал. Отшвырнув от себя карты, он по самые плечи задрал рукава своей засаленной рубахи.

– Ну на, любуйся! – Эйкити демонстративно затряс руками, на которых ровном счётом не было ничего подозрительного – только на правом предплечье была вытатуирована замысловатая иредзүми, изображавшая какое-то змееподобное существо.

– Опа, Эйкити, ты когда эт успел себе иредзүми набить? – вытарашил глаза противник Косого. До этого он и двух слов связать не мог, а тут даже будто бы немного протрезвел.

– Не твоего ума дело, – процедил Косой. На лицо его сразу набежала тень, словно собутыльник ненароком сболтнул лишнего.

До Уми же постепенно стало доходить, в чём тут дело. Рассмотреть бы только узор получше...

– Эйкити, где же ты сделал такую красивую иредзүми? – вдруг проворковала она, застенчиво улыбнувшись Косому. – Я никогда таких не видела! Дай-ка взглянуть на неё поближе.

Уми довольно лет прожила на свете, чтобы понимать: некоторые мужчины попросту не могли устоять против силы женской улыбки. К тому же ей не раз говорили, что она была красивой, – так почему бы не воспользоваться столь очевидным преимуществом?

Разительная перемена в настроении Уми не насторожила Эйкити: он был опьянён не только дешёвым sake, которым от него разило так, что глаза слезились, но и неслыханной удачей.

Поддавшись обаянию Уми, Косой Эйкити протянул ей правую руку. Уми заметила, как под её пристальным взглядом узор иредзүми немного зарябил – словно наваждение, наложенное на неё, стало рассеиваться.

Уми решила ускорить процесс, и потому крепко ухватила предплечье Эйкити. Она почувствовала, как Косой напрягся.

– Ты чего это удумала? – начал было он, но договорить так и не успел.

Иредзүми под руками Уми вдруг принялась извиваться, словно клубок червей, но она превозмогла отвращение и продолжала всё крепче сжимать хватку.

– *Пусти!* – услышала Уми чей-то приглушённый голос, который раздавался прямо из-под её рук.

Уми чуть разжала кулак, и из темноты на неё гневно сверкнули два отливавших красным глаза.

Татуировкой на руке Косого Эйкити на самом деле оказался ёкай.

Сколько Уми себя помнила, она могла видеть их – духов, обитавших по соседству с людьми. Не все из них были маленькими и безобидными, но тот ёкай, которого она сняла с руки Косого Эйкити, явно не представлял для людей никакой угрозы. Это был маленький ящериноподобный дух, облачённый в тёмно-зелёное кимоно. Он щёлкал зубками и косился на Уми своими красноватыми глазками:

– *Отпусти меня!* – снова заголосил дух, но Уми не вняла его мольбам. Сначала следовало выяснить, что он делал в игорном доме вместе с Косым Эйкити.

– Так и знала, что ты жульничаешь! – торжествовала Уми, крепко прижимая к себе духа, чтобы тот и не думал сбежать. Но ёкай, похоже, и не помышлял о побеге – напротив, со всеми удобствами расположился на сгибе локтя Уми и с нескрываемым любопытством принялся наблюдать за разворачивавшейся перед ним сценой.

Как и ожидалось, Эйкити ёкая в упор не видел, хотя его когтистые лапки, обутое в деревянные сандалии, висели чуть ли не перед самым носом Косого. Эйкити же не мог оторвать испуганного взгляда от своей руки, на которой не осталось и следа иредзүми.

– Куда ты её подевала? – он поднял на Уми глаза, полные непонимания. – Что ты сделала с моей иредзүми, приносящей удачу?!

Замешательство, охватившее поначалу Косого Эйкити, быстро сменилось злостью. Лицо его скривилось, словно от сильной зубной боли, и он подался навстречу Уми, будто бы собиравшись наброситься на неё.

Она отступила на шаг и сунула руку в карман хакама, где в кобуре дожидался своего часа револьвер, но извлечь оружие так и не успела. Между ней и Эйкити вдруг вырос Ёсио.

– Что-то ты сегодня совсем берега потерял, Косой, – покачал головой Ёсио, удерживая за шкуру рвавшегося к Уми Эйкити. – Иди-ка ты отсюда и проспись как следует.

Но Косой едва ли услышал хотя бы слово: его обезумевший взгляд был направлен только на Уми.

– Что ты наделала?! – вскричал он. – Ведьма! Верни мою иредзуми, верни!..

– Где бы тебе ни сделали эту татуировку, тебя обманули, – покачала головой Уми, пытаясь вразумить Эйкити. Руку из кармана она так и не вытащила: прохлада рукояти револьвера помогала чувствовать себя увереннее. – Тебе подсадили духа, который прикинулся иредзуми. Это ведь он управлял твоей рукой и давал возможность постоянно выигрывать, не так ли? Только вот я уверена, что, проснувшись завтра поутру, ты не обнаружил бы ни своих денег, ни иредзуми...

Но это было бесполезно, Эйкити и слышать ничего не желал.

– Всё ты врёшь! – продолжал буйствовать он. – Я так долго ждал шанса отыгаться, а ты всё отняла у меня, всё, поганая ты сука!

Тут терпение Ёсио окончательно лопнуло. Он со всей дури впечатал Косого лицом в стол, отчего его крики разом стихли. Подвыпивший противник Эйкити, видя, что разборки приняли совсем скверный оборот, предпочёл поскорее смыться.

Из коридора на шум драки прибежала охрана – два здоровых бугая, один другого страшнее. Но увидев, что Ёсио и без них прекрасно справляется, они неторопливо вернулись на свой пост.

Ёсио же склонился над Косым Эйкити, который прижимал руки к разбитому носу. Косой с нескрываемым испугом таращился на него, на губы и подбородок лилась бордовая кровь.

– Никогда больше не смей оскорблять при мне Уми, – голос Ёсио звучал спокойно, но это было обманчивое затишье: так всё вокруг замирает, когда вот-вот разразится сильная гроза. – Ты понял меня?

Эйкити, похоже, тоже нутром почуял исходившую от Ёсио угрозу. Отчаянно закивав, он постарался отползти от него как можно дальше.

Уми же смотрела на Ёсио во все глаза. На её памяти он ни разу не поднимал руку на посетителей игорного дома, как бы они себя ни вели. Утихомиривать таких людей входило в обязанности охраны, а Ёсио лишь отмечал особенно буйных игроков, чтобы внести их в «чёрный список» и больше никогда не пускать на порог «Тануки».

Что же изменилось теперь? Почему он вступился за неё, да ещё и охрану отослал?

Ёсио, похоже, и сам невольно устыдился своей вспыльчивости. Гнев его рассеялся так же быстро, как и назрел, и Ёсио, не глядя на Уми, спросил:

– Ты как, в порядке? Он тебя не тронул?

– Всё нормально, – заверила его Уми. Ёкай, сидевший у неё на руках, звучно хмыкнул – но этого никто, кроме Уми, конечно же, не услышал. С того момента, как развеялась иллюзия иредзуми, ёкай перестал быть видимым и слышимым в мире людей.

С залитым кровью лицом и выпученными от страха глазами Косой Эйкити выглядел так, будто полжизни провёл далеко в лесу и лишь теперь впервые вышел к людям. Ёсио фыркнул и окинул его пренебрежительным взглядом.

– Убирайся отсюда, и чтобы ближайшие пару недель я твоей поганой рожи не видел. Усёк?

Эйкити испуганно закивал и собрался было последовать его доброму совету. Но путь ему перегородила Уми. Для девушки она была довольно высокой: над побитым Эйкити Уми возвышалась почти на целую голову.

– Где ты сделал эту иредзуми? – спросила она, всё ещё прижимая к себе духа.

Эйкити так вытаращился на неё, что Уми решила было, что он окончательно тронулся умом. Он продолжал испуганно моргать, словно боялся, что Уми тоже поколотит его. Но, собравшись с духом и судорожно сглотнув, Эйкити всё же прогнусавил:

– В барагаде.

– Где-где? – нахмурилась Уми.

– *Он хочет сказать «в балагане», – неожиданно подал голос дух. – Бедняга, из-за расквашенного носа его речь ещё очень нескоро станет внятной.*

Глава 2. Тэцудзи

На Дайсін опустились сумерки, которые принесли с собой живительную прохладу, и принцу Тэцудзи впервые за весь день удалось вздохнуть с облегчением.

Ему всегда нравилось солнце, но сегодня очередной жаркий день обернулся настоящей пыткой. Из-за распахнутых настежь ставен не долетало ни единого дуновения ветерка, а от запаха моря, который в Дайсине чувствовался везде, куда бы ты ни отправился, Тэцудзи мутило так сильно, будто он пустился на утлой лодчонке напрямик в разрываемые бурей воды.

Всё началось ещё утром, с того самого чая, о котором принц столько слышал в последнее время. Рецепт этого напитка был придуман аптекарем из какого-то глубокого захолустья, название которого Тэцудзи даже не трудился запомнить. Слухи о чудесных свойствах чая быстро дошли до самого императорского двора. Говорили, что всего один глоток напитка придавал телу и разуму бодрость и силу. А некая благородная госпожа, чьё имя мы не станем упоминать здесь, дабы не подпитывать её и без того раздутое самомнение, клятвенно заверяла всех и каждого, кто готов был её выслушать, что этот чудесный чай вылечил мигрень, от которой она страдала с самого детства.

Разумеется, принц Тэцудзи, который по мере сил своих старался следовать всем новомодным веяниям, то и дело охватывавшим столицу, тут же вознамерился как можно скорее испытать действие этого чая на себе, и потому вскоре по его приказу напиток был доставлен во дворец.

Однако, стоило принцу сделать первый глоток, как лицо его тут же скривилось.

– Редкостное пойло, – проворчал принц, отставляя недопитую чашку в сторону. – И чего все так нахваливали его, ума не приложу!

Напиток оказался жутко кислым и отдавал неприятным душком – словно прежде на чайных листьях извлялось какое-то животное. Поэтому принц приказал немедленно «вылить к демонам» этот чай и принести ему другой.

После завтрака принц намеревался отправиться на охоту вместе с пятью своими приятелями. Все они были людьми молодыми, родовитыми и бессовестно богатыми. С принцем Тэцудзи, который любил проводить время с удовольствием, весельем и порой обильными возлияниями, эти юноши – «цвет нации», как иногда говорили о них собственные отцы, – быстро нашли общий язык. И с подачи самого принца стали называть себя «Шестёркой бессмертных» – в подражание великим поэтам древности, которые снискали вечную славу своими гениальными песнями. Правда, оставалось не до конца ясным, какую славу намеревались оставить по себе эти молодые люди. Если им хотелось, чтобы потомки запомнили их как кутил и бессовестных мотов, то они были на правильном пути.

Тэцудзи, как самому знатному в «Шестёрке» и самому влиятельному, товарищи подражали во всём, что бы он ни затеял. Разгуливать по окрестностям дворца босиком? Раз принцу дозволено, то почему бы и остальным не последовать его примеру! Запустить в приёмную императора с десятков квохчущих куриц, чтобы заставить подобострастно трясущихся министров полдня отлавливать перепуганных птиц? Лучшей забавы и представить трудно!

Что бы принц ни придумывал, ему и его подпевалам всё рано или поздно сходило с рук. Императрица заступалась за сына перед своим царственным супругом, лицо которого темнело всякий раз, стоило в его присутствии упомянуть имя единственного оставшихся в живых наследного принца, Тайга-но Тэцудзи. Как бы ни хотелось императору преподать хороший урок непутёвому отпрыску, устоять против слёз и мольбы своей супруги он не мог.

Любимым развлечением принца была охота. В последние месяцы он начал охотиться на заморский манер, с собаками, которых светлоглазые северяне из Хьордланда привезли в подарок ко двору императора. И приятели Тэцудзи также были без ума от того, как охота с

собаками заиграла новыми красками. Особенно нравилось им, как псы грызлись с лисами – однажды от такой потехи один из «Шестёрки» чуть не надорвал живот от смеха.

Сегодняшней охоты Тэцудзи ждал с большим нетерпением. Он предвкушал, как будет мчаться на своём Громе, как ветер будет трепать чёрную гриву коня и свистеть у принца в ушах, как собаки будут подвывать, беря след, и как будут задорно гикать товарищи из «Шестёрки»...

Но не успел принц Тэцудзи при полном охотничьем облачении выйти из своих покоев, как ему вдруг сделалось дурно.

В северном крыле дворца, где изволил проживать принц, поднялась страшная суматоха. Белые от испуга служанки сновали туда-сюда с ведрами и тазами, полными воды. Наследный принц всегда отличался отменным здоровьем, и потому теперь, когда он внезапно занемог, все были в смятении.

Нао, личный прислужник принца, сразу же помчался за придворным лекарем. И тот не заставил себя долго ждать. Седой и полнотелый старичок с живыми и блестящими глазами внимательно выслушал все жалобы принца на странный чай, который он выпил перед завтраком.

– Принесите мне этот чай, – велел слугам лекарь, осмотрев принца. – Посмотрим, чего там намешали.

Теперь на уши подняли уже половину дворца, но ни пресловутого чая, ни человека, который доставил его, найти так и не удалось. Начальник стражи, боясь, как бы этот скандал не достиг ушей императора, самолично отправил в город небольшой отряд самых доверенных людей, чтобы разыскать того, кто пытался навредить принцу.

Однако вскоре лекарь заключил, что здоровью и жизни наследного принца ничего не угрожает, и суматоха во дворце немного улеглась. Поиски негодяя к тому времени так и не увенчались успехом, и потому стражников отозвали, дав на отряд пару кувшинов вина и мешочек, полный серебряных сэнов, – лучшего способа замаять слухи о том, что произошло сегодня во дворце, и придумать было нельзя.

* * *

Дайсин был столицей империи Тейсэн со времён первого императора Дайго – родоначальника великой династии, угасшей почти четверть века назад. За свою более чем тысячелетнюю историю Дайсин многое повидал и даже отстраивался заново, как то было после смуты клана Мэйга, когда почти вся столица выгорела дотла. Неизменным оставалось лишь расположение города – со времён первого из Дайго Дайсин стоял у моря, в тихой гавани, которую с обеих сторон обступали две горы, Отацу и Цумэтацу.

Дайсин напоминал постаревшего, потасканного жизнью, но всё ещё хорошего собой придворного, который одевался в пускай и старые, но дорогие шелка, умаскивал свои холёные белые руки ароматными кремами и даже слегка подкрашивал губы, чтобы они выглядели более молодыми и свежими.

По большей части Дайсин не отличался от многих других крупных городов. Всё было предельно просто. Если у тебя в кошеле завалилась пара лишних сэнов и платье не успело сильно истрепаться в дороге, то ты всегда был желанным гостем в рёканах и чайных. А если в карманах у тебя было уже с неделю как пусто, и выглядел ты, как Бог Бедности в его лучшие годы, то Дайсин отворачивал от тебя свой взор с брезгливым выражением на тонкокостном и бледном лице.

Словно искушённый долгой жизнью при дворе аристократ, Дайсин всегда точно знал, как правильно нужно подать себя, чтобы оказаться в наиболее выигрышном положении. Этот город был хорош в любое время суток – недаром вот уже не одно столетие многие прославленные поэты называли столицу империи Тейсэн «жемчужиной, стоящей у моря».

Что касается блеска и красоты богатых кварталов, то тут мастера художественного слова не покривили душой: чем выше над уровнем моря стояли усадьбы, тем роскошнее они выглядели. Сюда не долетали запахи с рыбных рынков: император и его приближённые наслаждались ароматами цветов и благовоний, которые курились на домашних алтарях.

Бедняцкие же кварталы являли собою зрелище поистине жалкое: лишь во время больших празднеств, будь то Новый год или Оббн, свет от бумажных фонариков хоть немного скрадывал убожество ветхих деревянных лачуг, потемневших от времени. И люди, и стены их жилищ были насквозь пропитаны рыбной вонью – многие жители этих кварталов промышляли рыболовством, которое хоть как-то могло прокормить их семьи.

Принц никогда не бывал в городе дальше рыночных рядов, да и ни к чему это было. Жизни бедняков его не интересовали: он едва ли вообще сознавал, что они существуют. Лишь во время его восшествия на престол вся столица соберётся посмотреть на своего нового правителя. В этот славный день даже самые опустившиеся доходяги наскребут последние гроши, чтобы хватило на общественную баню. Они будут наравне с остальными жителями Дайсина приветствовать его императорское величество и желать долгих лет жизни, а потом так же радостно кутить в ближайшем кабаке-идзакая – в дни больших праздников в столице выпивка всегда была бесплатной, так уж повелось.

И больше пути принца и нищих никогда не пересекутся. Тэцудзи вернётся в свой пятиярусный дворец, с высоты которого ему откроется блестящая гладь моря и две горы, между которыми стоит Дайсин.

А бедняки вернутся туда, откуда пришли, в свои провонявшие рыбой лачуги – где им, в чём Тэцудзи нисколько не сомневался, было самое место.

* * *

Промучившись несколько часов от расстройства желудка, только к вечеру принц Тэцудзи, наконец, почувствовал себя гораздо лучше.

Смех и радостные выкрики праздных горожан далеко разносились в напоенном вечерней прохладой воздухе – их отголоски были слышны даже на третьем ярусе дворца, где располагались покои принца. Тэцудзи с нескрываемой завистью вслушивался в ликующие голоса людей и всем сердцем проклинал так некстати навалившуюся на него слабость.

Подумать только, целый день был потерян напрасно! Ни тебе охоты, ни ужина в обществе красивых и уточнённых девушек, которые так и вились вокруг принца и его окружения, словно стайка пёстрых птичек... Будто немощный и всеми позабытый старик, Тэцудзи лежал в своих покоях и предавался сожалениям об упущенных возможностях.

Наконец, когда ему наскучило и это, принц кликнул своего прислужника:

– Эй, Нао, принеси-ка мне одежду! – От расстройства его весь день бросало то в жар, то в холод, и принцу хотелось как можно скорее переодеться во всё чистое.

Но никто не отозвался. Крикнув ещё пару раз и услышав в ответ только глубокую тишину в коридоре, принц побагровел от гнева.

– Да чтоб вас всех! – от души выругался он.

Встать Тэцудзи удалось не сразу. Слабость ещё не до конца отпустила его, и он побрёл к комоду, едва переставляя ноги. По дороге он то и дело искал дополнительную точку опоры: ею с успехом послужила сначала ширма, с трудом устоявшая, когда принц всем весом навалился на неё, а потом и стена, в которую Тэцудзи уткнулся лбом, пытаясь побороть охватившую его дурноту.

После всех мытарств принцу наконец удалось добраться до комода. Стоило ему перевести дух, как он тут же разразился ругательствами: где же демоны носят этого Нао, когда он так нужен? Не иначе как опять улизнул к этой девчонке-прачке, которая в прошлом месяце начала

работать во дворце. У принца на подобные дела был нюх, и ещё какой! Неспроста НАО вдруг весь как-то приосанивался, когда эта девчонка со своими вечно хихикающими подружками проходила мимо.

Но любовь любовью, а пренебрежение к собственной особе принц не прощал никому. Скривившись от досады, Тэцудзи твёрдо решил, что прикажет всыпать НАО с десятков ударов палкой, когда тот посмеет приползти обратно. Пусть раз и навсегда запомнит, кому он служит.

На то, чтобы добраться до комода, у принца ушли все силы. Он опустился на пол и раскинул руки в стороны. Ставни были по-прежнему раздвинуты, и ветерок, задувавший в комнату, приятно охлаждал разгорячённое болезнью тело принца. Он прикрыл глаза.

Зашелестели бумаги на столе. Что-то едва слышно звякнуло в дальнем углу комнаты, и Тэцудзи вдруг отчётливо ощутил на себе чей-то взгляд.

«Ну погоди, НАО, вот я тебе устрою!» – со злорадством подумал принц и открыл глаза.

Над ним склонился какой-то высокий и худощавый человек, одетый во всё чёрное – лишь на широком поясе тускло блеснула серебром какая-то мудрёная вышивка. Лицо незнакомца было почти полностью скрыто под конусообразной соломенной шляпой с длинной кривой трещиной. Из неё на принца уставился немигающий чёрный глаз с едва заметным красным отливом.

Этот странный пришелец был ни капли не похож ни на кого из обитателей дворца, и принц вздрогнул.

– К-кто вы такой? Что вам здесь нужно? – принц постарался придать своей интонации строгость рассерженного будущего императора, но голос его предательски задрожал.

Человек молчал, продолжая буравить принца взглядом из-под старой соломенной шляпы. Откуда он здесь взялся? Тэцудзи готов был поклясться, что не слышал ни шороха отворяемых дверей, ни шуршания шагов по татами.

Не из воздуха же он появился, в конце-то концов?

– *Где Фусэцу?* – наконец просипел пришелец, ещё ниже склонившись над принцем.

Фусэцу, или «Рассекающий ветер», – так назывался старинный клинок, который был одной из трёх наиважнейших императорских регалий. Говорят, он принадлежал самому императору Дайго – родоначальнику великой династии, которая правила Тейсэном больше тысячи лет.

От неожиданного вопроса принц совершенно растерялся. Имя клинка знали лишь особо приближённые ко двору особы. Откуда этому оборванцу было известно о мече?

– Понятия не имею, как ты узнал о нём, – покачал головой Тэцудзи, – но ты же не думал, что я держу его у себя под подушкой, правда же?

Дерзкий ответ принца незнакомцу явно не понравился: Тэцудзи услышал, как тот заскрипел зубами от едва сдерживаемого гнева. Он схватил принца за грудки.

– *Говори, где меч,* – на сей раз в голосе вора слышалась неприкрытая угроза, и принц невольно задрожал.

Кем бы ни был этот человек, он явился сюда не ради того, чтобы засвидетельствовать принцу своё почтение. Стараясь не выдавать накатившего на него испуга, Тэцудзи проговорил:

– Отец мне не говорит, где его держат. Но даже если бы я знал, где Фусэцу, то тебе сообщил бы об этом в самую последнюю очередь, уж не обессудь.

Издав гневный рык, незнакомец отшвырнул принца в сторону и бросился к комоду. Он выдвигал ящик за ящиком, даже не стараясь вести себя потише. Тэцудзи ждал, что вот-вот в его покои ворвётся стража, но время шло, а никто не спешил ему на выручку.

Пользуясь тем, что грабитель отвлёкся, Тэцудзи потихоньку начал отползать назад, к выходу из покоев. Его тревожила тишина, воцарившаяся во дворце. Даже глубокой ночью в коридоре можно было расслышать осторожные шаги стражников и их тихую беседу во время пересменки.

Теперь же дворец словно вымер. Вдруг у этого ненормального были сообщники, которые незаметно разобрались со стражей? Если так, то надежды выбраться из этой передраги целым и невредимым у Тэцудзи оставалось всё меньше.

Но это не означало, что он не попытается.

Стоило принцу коснуться раздвижных дверей, как грабитель, обшаривавший нижний ящик комода, резко замер. Тэцудзи задержал дыхание, боясь пошевелиться. Однако не успел он порадоваться, что опасность миновала, как в свете недавно взошедшей луны блеснуло лезвие кинжала-танто, и человек в соломенной шляпе набросился на принца, как голодный хищник на застигнутую врасплох жертву.

Тэцудзи завопил и откатился в сторону. Но нападавший оказался проворнее. Он успел полоснуть принца по левой руке, и тот сдавленно вскрикнул от боли. По руке, неприятно щекоча кожу, потекла горячая кровь.

Опасность придала принцу новые силы. Он сумел вскочить с пола и бросился к выходу из комнаты.

– Стража! Стража! – завопил Тэцудзи.

Уж эти-то крики и шум назревающей потасовки услышал бы и глухой.

Но и на сей раз никто не отозвался на крик о помощи. До слуха Тэцудзи доносилось лишь его собственное надсадное дыхание да свист танто, которым одноглазый в соломенной шляпе рассекал воздух, пытаясь достать принца.

Долго уворачиваться от атак Тэцудзи не сумеет: вместе с сочившейся из раны кровью его будто бы покидали и силы. И нападавший не замедлил воспользоваться собственным преимуществом. Он сбил Тэцудзи с ног и сгрёб в охапку, словно кучу грязного белья.

– *Не дёргайся*, – прошипел человек, обжигая лицо принца своим зловонным дыханием. – *Тебе всё равно не спастись*.

В его безразличном взгляде принц увидел свой бесславный конец. Он потратил на борьбу последние силы, и теперь ничто не могло защитить его от кинжала, который убийца уже занёс над ним...

Вдруг мир вокруг принца резко увеличился в размерах. Лицо человека, нависшего над ним, стало совсем огромным, а запах его тела нестерпимой вонью ударил Тэцудзи в нос, ставший вдруг очень чувствительным. То был жуткий и ни на что не похожий запах: будто что-то давно испорченное попытались присыпать дичайшей смесью горьких специй. Тэцудзи снова замутило.

Убийца замер, выпучив свой единственный глаз. Танто дрогнул в его руке, и принц понял, что другого шанса на побег ему может не представиться.

Тэцудзи вцепился зубами в руку человека, и тот зашипел от боли. Он на мгновение ослабил хватку, и принц рванул в сторону окна что было сил.

Он и не подумал встать на ноги – почему-то сейчас передвигаться на четвереньках получалось гораздо удобнее. Всё тело принца переполняла какая-то новая, доселе невиданная сила – и она гнала его вперёд, как можно дальше от смерти, из когтей которой ему с таким трудом удалось вырваться.

Запрыгнув на подоконник, принц, недолго думая, сиганул вниз. Тело его вдруг стало лёгким и невероятно ловким, и лишь приземление на больную руку заставило на миг забыть обо всём остальном. Он завопил не своим голосом, на глазах выступили слёзы.

Но пути назад не было. Ногти уже скрежетали по черепице, покрывавшей крышу второго яруса дворца. Всего их было пять, и первый был самым широким. Наверное, если бы не это, принцу вряд ли удалось бы оказаться на земле и не переломать себе все конечности.

С черепичной крыши принц перепрыгнул прямо на высокую стену, опоясывающую замок, а оттуда сиганул в кусты жасмина, растущие по другую её сторону. Сломанные ветки жалобно затрещали, а некоторые из них мстительно впились принцу в бок, но он едва ли обра-

тил на это внимание. Всё, чего ему сейчас хотелось, – это как можно дальше убраться от человека в чёрном и его кинжала.

Чтобы остаться незамеченным, принц под прикрытием деревьев что есть духу припустил к выходу из сада, который со всех сторон окружал императорский дворец.

* * *

Грабитель, тайно пробравшийся в покои принца, тихо ругнулся. Он оторвал кусок ткани от одного из рукавов рубахи и замотал ею повреждённую руку. Ткань сразу пропиталась чем-то тёмным – но то была вовсе не кровь.

Спрятав танта в ножны, грабитель склонился над пятном крови, которое осталось последним немым свидетельством ранения принца. Затем провёл над ним раскрытой левой ладонью – в глазах его на миг полыхнул отблеск алого пламени, – и пятно исчезло.

Потом он сделал замысловатое движение руками, словно отжимал особенно плотную и только что выстиранную одежду, и все ящики комода и их содержимое вернулись на свои места, словно их никто не трогал.

В последний раз окинув комнату цепким взглядом – не осталось ли каких следов, – человек в чёрном что-то прошептал себе под нос, четыре раза повернулся на одном месте против движения солнца. Силуэт его вдруг подёрнулся рябью, словно он был собственным отражением в стоячей воде. Ещё миг – и вместо незнакомца в чёрном посреди комнаты стоял принц Тэцудзи. Точнее, почти идеальная его копия.

Вот только в глазах двойника не было ни следа привычного блеска, свойственного наследному принцу империи Тейсэн.

Глава 3. Уми

Смена в «Толстом Тануки» давно закончилась. Когда Уми уставала особенно сильно, она оставалась ночевать в одной из свободных комнат на втором этаже. Бабушка Абэ, владелица харчевни, даже предлагала ей переехать сюда насовсем, но Уми пока не решалась на этот шаг. Она привыкла к своей комнате в усадьбе Хаяси, и пока что менять ставшее привычным окружение ей не хотелось.

Сегодня все гостевые комнаты оказались заняты – после приезда балагана в Ганрю стал стекаться народ со всех окрестных селений, и им где-то надо было останавливаться. Поэтому Уми отправилась домой, преодолевая навалившуюся усталость. Благо от портового квартала, где стоял «Тануки», до усадьбы Хаяси идти было не особо далеко – быстрым шагом туда можно было добраться за каких-то полчаса.

До самого конца смены Ёсио избегал взгляда Уми. По-видимому, он до сих пор стыдился своей неожиданной вспышки гнева. Он лишь бросил ей перед уходом, чтобы сегодня она взяла себе выходной.

– Тебе стоит чаще отдыхать. Иначе твой отец с меня три шкуры сдерёт, если ты вдруг упадёшь от переутомления.

Никуда падать Уми точно не собиралась, но она не могла не признать правоту слов Ёсио: ей и впрямь не помешало бы немного прийти в себя и хотя бы один день провести вне стен игорного дома.

Ёкай, который притворялся иредзуми на предплечье Косого Эйкити, не отставал от Уми ни на шаг. Он назвался Сано́м и, похоже, теперь вознамерился следовать за ней по пятам. Хорошо, что хоть с рук ёкай всё же удосужился слезть, и теперь цоканье его деревянных сандалий на платформе вторило каждому шагу Уми.

Народу в такой час на улицах было совсем немного, но Уми всё равно опасалась разговаривать с духом в полный голос. Дождавшись, пока поблизости не окажется никого, кто мог бы их подслушать, Уми спросила:

– Долго ты ещё собираешься тащиться за мной?

Сан хмыкнул и неопределённо пожал плечами.

– *Мне некуда больше идти*, – наконец ответил он.

– Мой дом – не пристанище для ёкаев, – проворчала Уми.

– *Ты разрушила иллюзию иредзуми, и теперь мне нельзя вернуться обратно.*

Уми покосилась на него с нескрываемым недовольством.

– Раз уж ты сам упомянул об этом, то рассказывай всё как есть: кто ты, откуда взялся и почему вдруг в обычном заезжем балагане вместо иредзуми людям подсовывают ёкаев. И тогда я подумаю, стоит брать тебя с собой или нет.

Цокот сандалий затих, и Уми тоже остановилась. Оглянувшись, она встретила взглядом с Саном.

– *Думаешь, по своей воле я бы опустился до того, чтобы украшать руки какого-то немытого доходяги?* – Голос духа звенел от искреннего возмущения. – *Конечно же нет!*

И, тяжело вздохнув, Сан начал свой рассказ. Он всю свою жизнь провёл в окрестностях горы Риндзё, от которой до Ганрю было рукой подать. Сан был искусен в наведении морока на людей и потому часто навещался в город, чтобы раздобыть себе еды и каких-нибудь безделушек – ёкай любил хорошо приодеться.

Но как-то раз очередная вылазка завела Сана отнюдь не туда, куда он рассчитывал. Ёкай по обыкновению своему прогуливался по рыночным рядам, пользуясь тем, что люди не могут его видеть, как вдруг до слуха его донёсся обрывок чьей-то беседы:

– *...пообещал мне Чешию самого Сэйрю?*

Сан замер и принялся оглядываться вокруг, ища того, кто это сказал. Наконец в одной из маленьких подворотен он заметил двух ёкаев. Один был одноглазым и коренастым, с красной как киноварь кожей, а второй тощим, словно жердь, и лицо его скрывала маска не то волка, не то пса – с того места, где стоял Сан, второго духа было видно гораздо хуже.

Слова о Чешуе Дракона принадлежали, похоже, одноглазому, потому как дух в маске принялся махать руками и приговаривать:

– Эй, говори потише! А то, неровён час, ещё услышит кто...

Одноглазый понизил голос, и Сану пришлось сделаться невидимым, чтобы незаметно подобраться к ним и подслушать, о чём они будут говорить дальше.

Чешуя Дракона – как, впрочем, и любые части тела Сэйрю, Владыки Восточных Земель, – считалась величайшим сокровищем, добыть которое было трудно. Говорят, в незапамятные времена Сэйрю сражался с тёмными силами и был изранен так сильно, что, пока возвращался в Поднебесное Царство, поломанные в бою чешуйки, когти и зубы сыпались с него на землю. И те, кому посчастливилось найти их, обретали поистине невероятные способности.

– Да говорю тебе, у него Чешуи этой – полные карманы, – продолжал шептать одноглазый. *– Я собственным глазом их видел! Она и блестит так же, как говорится в легендах, и сила от неё исходит знаешь какая? Нам с тобой в жизни до такого не дорасти, даже если мы всю мелочь приречную сожрём за раз! А самое главное, он готов поделиться Чешуёй со всеми, кто согласится выполнить одну работёнку.*

– Не знаю, больно уж подозрительно всё это, – покачал головой тощий ёкай. *– Чтобы человек да разбрасывался такими дарами направо и налево... Уж скорее я поверю в то, что он обманет тебя – а заодно и всех остальных наивных дураков, которые купятся на его заверения!*

Чем дольше Сан слушал их разговор, тем сильнее росло в нём любопытство. О каком человеке они говорили? И что за работу он предлагал в обмен на Чешую самого Сэйрю?

– Ой, да что бы ты вообще понимал! – взбеленился одноглазый. *– Не хочешь помочь – не надо. Заберу твою долю себе!*

Он развернулся и собирался было уйти, но второй ёкай задержал его.

– Да постой же ты, не горячись так! Отведи меня к этому человеку, и я сам послушаю, что он нам скажет. А там уже и решу, буду помогать или нет.

– Ну вот, другое дело! – Одноглазый хлопнул приятеля по плечу. *– Тогда идём прямо сейчас – этот человек по всему видно, что занятой и ждать не любит.*

На такую удачу Сан и рассчитывать не смел. Он поспешил следом за духами, держась от них на некотором расстоянии, чтобы они не почували его раньше времени.

Шли они долго, почти через полгорода. Лишь на самой окраине Ганрю духи добрались до убежища того человека, о котором говорил одноглазый. Жил он в палаточном городке – то оказался заезжий балаган, который прибыл в город как раз накануне. Людей вокруг сновало много, и потому пару раз Сан чуть не терял двух ёкаев из виду. Те же шли совсем не таясь, и ни один из людей даже и бровью не повёл, когда ёкаи проходили мимо. Мало кто мог видеть духов – насколько Сану было известно, такие способности среди людей были большой редкостью.

Наконец, ёкаи остановились возле одного из шатров. Полог его был опущен, но для духов это не стало помехой. Сделавшись бесплотными, они скользнули внутрь, и Сан, всё ещё невидимый, последовал за ними.

Человек, о котором говорил одноглазый, оказался молодым мужчиной с длинными тёмными волосами, которые ниспадали ему на грудь. Но сила от него исходила столь яростная и дикая, что Сан сразу понял – перед ним сидел очень могущественный колдун. И уж он-то, в отличие от людей, сновавших по палаточному городку, сразу почувал их присутствие.

Духи застали его за написанием письма. Колдун отложил кисть и терпеливо выслушал приветствие одноглазого.

– Вижу, ты привёл с собой друга, – обратился к нему колдун. – Молодец – чем вас будет больше, тем выше шанс выполнить задание.

– *Расскажите подробнее о работе, которую вы хотите нам предложить*, – попросил дух в маске.

Сану показалось, что колдун учуял и его присутствие, потому как пару раз тот смотрел прямо на него, словно невидимость духа не была для него помехой. Но он ничего не сказал, и потому на какое-то время Сан успокоился.

– Что ж, всё довольно просто, – человек улыбался, но глаза его оставались холодными, как недра пещеры, где запечатан древний и кровожадный дух. – От вас требуется поработать на наш балаган какое-то время – до тех пор, пока мы не решим покинуть эти места. В балагане есть разные аттракционы, но ваше участие понадобится только в одном из них – аттракционе исполнения желаний.

Ёкаи переглянулись между собой. Колдун же продолжал говорить, словно ничего не заметил:

– Люди будут приходить туда за предсказанием судьбы и заодно доверять гадательнице своё самое заветное желание. Вы же будете ждать поблизости – кроме гадательницы вас никто не будет видеть.

– *Она тоже колдунья?* – спросил ёкай в маске.

– Да, – кивнул человек и улыбнулся, но на сей раз улыбка его вышла какой-то болезненной. – И ещё, у нас есть одно обязательное условие, которое вы будете обязаны выполнять, если хотите получить вознаграждение за свою работу. Гадательница будет заговаривать с вами первой – и до того момента вы не должны её тревожить. Она будет приставлять вас к каждому, кто захочет исполнить желание, и вы должны будете сделать то, что захочет человек. Или, по крайней мере, навести иллюзию, чтобы в неё без труда можно было поверить.

– *Звучит как будто бы просто*, – с сомнением проговорил ёкай в маске. – *Но в чём подвох?*

– Прошу прощения?

– *Наводить иллюзии мы все мастера. Эта работа слишком проста для ёкаев*, – терпеливо принялся пояснять дух. – *А награда за неё, насколько мне известно, весьма щедрая.*

– Ах, так вот что вас смутило! – улыбнулся колдун. – Уверяю, сделка будет честной. Вы поможете нам заработать больше денег и привлечь больше посетителей, а мы поделимся с вами Чешуёй Сэйрю.

– *Почему вы не оставите её себе?* – продолжал допытываться дух. – *Такое великое сокровище вы готовы отдать почти за так первым встречным ёкаям?*

– Люди не могут использовать Чешую Сэйрю, как и остальные его дары, – вздохнул колдун. – Магия, что всё ещё течёт в них, слишком сильна для нас. Многие колдуны гибли, пытаясь усмирить силу Дракона, и мы с моей... спутницей не хотим оказаться в их числе. Другое дело вы, ёкаи. Когда мы только нашли Чешую, то решили, что отдадим её тем, кто точно сможет воспользоваться ей как должно. Так у нас и возникла идея нанять на работу ёкаев, которых мы собираемся вознаградить за верную службу.

Одноглазый помалкивал. Он поглядывал то на своего приятеля, то на колдуна, который всё в той же безмятежной позе восседал за низеньким столиком.

Дух в маске погрузился в раздумья. Колдун терпеливо ждал, и с губ его не сходила загадочная полуулыбка.

– *Прежде чем я дам свой ответ, мне хотелось бы увидеть Чешую, если это возможно.*

Речь духа была безукоризненно вежливой – должно быть, только поэтому на лице колдуна не отразилось ни следа нетерпения. Из невысокого комода, который стоял в самом дальнем углу шатра, колдун достал небольшую круглую шкатулку. Сан сумел разглядеть на ней

искусно выполненную резьбу, изображающую дракона, который резвился среди густых облаков.

Ни замка, ни крышки у шкатулки не было. Однако стоило только колдуну провести над ней раскрытой ладонью, как шкатулка тут же открылась.

И все ёкаи замерли от восхищения.

Одноглазый не соврал – Чешуи у этого колдуна и впрямь было столько, что оставалось загадкой, откуда он добыл такое количество и оставил ли что-то самому Сэйрю. Она сверкала так ярко, что хотелось тут же зажмуриться. И в то же время от неё невозможно было отвести взгляд – хотелось смотреть на неё, преодолевая боль в глазах, чтобы впитать в себя тот невероятный и чудодейственный свет, который она источала...

Ничего прекраснее в своей жизни Сан не видел и – он почему-то не сомневался в этом – никогда больше не увидит. Когда колдун закрыл шкатулку и свет Чешуи померк, Сан едва сдержался, чтобы не застонать от охватившего его разочарования.

Даже недоверчивого духа в маске блеск Чешуи впечатлил настолько, что он тут же согласился приняться за работу. Одноглазый возликовал. Улыбка колдуна стала шире, и он протянул им два листа бумаги, на котором попросил поставить свою подпись.

– Если не хотите называть своё имя, достаточно вместо подписи оставить каплю крови, – добавил колдун, видя, что духи снова сомневаются.

По всему выходило, что этому человеку уже доводилось иметь дело с духами. Мало кто из людей знал, что свои настоящие имена ёкаи сообщали только самым близким. Остальные знали их под многочисленными прозвищами, которые менялись от случая к случаю.

– А что же ваш третий друг? – вдруг произнёс колдун, глядя прямо на Сана. – Разве он не хочет получить эту работу?

– *Какой ещё третий друг?* – принялись озираться духи. – *Мы вдвоём пришли!*

Тут уже Сан понял, что дальше скрываться смысла не было, и потому сделался видимым. Ёкаи переполошились и накинулись на него:

– *Ах ты, проходимец!*

– *Да как ты посмел увязаться за нами?!*

– Ну будет вам. – Колдун поднял руки в примирительном жесте и поманил Сана к столу. – Жадничать ни к чему, волшебной Чешуи у меня хватит на всех...

– И ты подписал договор? – спросила Уми, когда Сан закончил рассказ.

Дух понуро закивал.

– А что мне оставалось делать? Я чувствовал, что этот колдун так просто нас не отпустил бы – особенно после того, как мы столько узнали и о Чешуе, и об их планах. К тому же она так сверкала... Владыка свидетель, стоит мне только закрыть глаза, как я снова вижу отблески её сияния! Даже ты не удержалась бы, если бы увидела Чешую!

Уми в этом сильно сомневалась, но спорить с духом не стала. Она задумчиво почесала правое предплечье через рукав.

– Если тебе настолько не понравилась та работа, которую поручили в балагане, разве ты не мог сбежать?

– *Мог, но в этом случае о Чешуе мне пришлось бы забыть навсегда* – колдун сказал, что во второй раз они таких беглецов не нанимают, – вздохнул Сан. – *Да и, честно сказать, бежать-то мне было некуда...*

Не закончив свою мысль, Сан обречённо махнул когтистой лапкой: мол, об этом и говорить нечего.

– Но ведь ты говорил, что жил на горе Риндзё, – припомнила Уми. – Почему же не можешь укрыться там? Вряд ли наниматели из балагана будут искать тебя по всем окрестным лесам!

Сан замялся, и Уми поняла, что он чего-то недоговаривает. Дух отмалчивался до тех пор, пока не наткнулся на испытующий взгляд Уми.

Осознав, что дольше увиливать от ответа не сможет, ёкай тяжело вздохнул и признался:

– *Видишь ли, с неделю назад через ту поляну, где я раньше жил, проходил странствующий монах, ну и...*

– Что, неужели освятил её? – предположила Уми, когда Сан сконфуженно замолчал.

Судя по тому, как голова Сана опустилась ещё ниже, догадка Уми оказалась верна. Видимо, Сан оказался не таким уж сильным духом, раз не сумел противостоять молитвам священника, призванным изгнать злых духов.

По всему выходило, что он сможет вернуться на гору Риндзё только спустя какое-то время – может, через несколько дней, а может, и недель, – когда иссякнет очистительная сила молитвы.

– Так ты поэтому ушёл в город? Чтобы спрятаться?

Ёкай закивал.

– *Я и сам знаю, что слабак, каких ещё поискать, – пробормотал он. – Будь моя воля, я ни за что не стал бы напрашиваться в гости к человеку, но... Обещаю, что не доставлю тебе хлопот!*

С этими словами Сан поклонился так низко, что чуть не чиркнул макушкой о землю.

Уми тяжело вздохнула. Ситуация и впрямь вышла некрасивой, с какой стороны ни глянь. Да, она поймала Косого Эйкити за жульничеством, но доказать этого Уми всё равно не могла – кроме неё, Сана никто не видел! Да и сам ёкай теперь оказался в подвешенном состоянии: вернуться в балаган он уже не сможет, как и к себе домой.

Придя к решению, Уми проговорила, постаравшись скрыть неловкость за кашлем:

– Раз уж так всё сложилось, то... так и быть, можешь какое-то время пожить в моём доме.

Чешуйчатая мордочка Сана просияла. Его отливавшие красным глаза ярко заблестели.

– Но с условием, – поспешила добавить Уми, – никому не мешать и не пакостить. А, и ещё не воровать еду с кухни. Голодным ты не останешься, но будешь есть вместе со всеми. Это понятно?

Ёкай закивал, всё ещё сияя, как праздничный бумажный фонарик.

За разговорами они и не заметили, как добрались до моста, который соединял портовый квартал с Отмелью – так в народе называли район Тюсю, где жила Уми. Это и впрямь была длинная отмель, омываемая со всех сторон водами реки Ито. Застраиваться она начала не так уж давно: бабушка Абэ как-то рассказывала, что ещё тридцать лет назад на Отмели ничего больше не было, кроме реденького соснового леска, небольшого причала да покосившегося от старости святилища, которое сохранилось до сих пор.

Теперь же Отмель стала самым дорогим кварталом Ганрю, где селились обеспеченные и влиятельные люди со всей восточной провинции Тосан.

Возле моста было гораздо оживлённее, чем на окраинах портового квартала, и потому Уми пришлось соблюдать большую осторожность при беседе с ёкаем, чтобы не привлечь к себе ненужного внимания. Они с Саном поднялись на мост и старались держаться на расстоянии от лоточников, которые, несмотря на ранний час, уже начали расставлять свои тележки вдоль перил моста и раскладывать на циновках товар.

Когда они преодолели почти половину моста, Уми решила задать Сану ещё один вопрос.

– А тот колдун из балагана... Ты ведь так и не назвал его имени. Он вам не представился?

При упоминании о колдуне ящеринная мордочка Сана скривилась, словно ему под нос подсунули тухлую рыбину.

– *Да он особо и не скрывал своего имени – видать, ненастоящее оно, – хмыкнул ёкай. – Колдун назвался Рюити Араки.*

Уми нахмурилась. Это имя она слышала впервые. Никто из членов клана Аосаки или посетителей игорного дома, к чьим разговорам Уми часто прислушивалась, ни разу не упоминал этого человека. Но это ещё ни о чём не говорило – наверняка что-то могло ускользнуть от её внимания.

Задумавшись, она снова принялась чесать правое предплечье, которое уже чуть ли не горело огнём под тонким рукавом летнего кимоно. Уми понимала, что, расчёсывая руку, делает себе только хуже, но остановиться не могла, пока это приносило пускай и временное, но облегчение. Должно быть, накануне вечером её покусала мошкарка – обычно так зудели только укусы насекомых. Но задрать рукав на улице и посмотреть, было ли у неё что-то на коже, Уми не могла: народу вокруг всё же было достаточно, чтобы её действия могли счесть неприличными.

Неприятные ощущения на предплечье усугубляла ещё и смутная тревога, которую Уми почувствовала после рассказа Сана. Она не могла утверждать наверняка, что этот Рюити Араки представлял какую-то угрозу. Но всё же стоило разузнать об этом колдуне побольше, чтобы в случае чего быть начеку.

На другой стороне моста Уми заметила большую и тревожно гомонившую толпу. В столь ранний час подобное было редкостью, и потому Уми не стала проходить мимо, а подошла поближе, чтобы послушать, о чём судачили люди. Сан тенью следовал за ней.

– Надо же, совсем ничего не осталось, – покачала головой молодая женщина в тёмном и заношенном кимоно – видимо, служанка.

– А ведь я сюда ходил сколько себя помню, – причитал старик с длинной и тонкой седой бородкой, которая тоскливо развевалась на ветру.

– Что тут случилось? – спросил коренастый мужик, подошедший следом за Уми. – Ни хрена не могу рассмотреть впереди, хоть убейте!

– Да святилище ночью погорело, – печально вздохнув, ответил старик. – Хорошо хоть, не пострадал никто...

– Ну-ка расходитесь давайте, расходитесь! Нечего тут глазеть! – раздался окрик полицейского. Уми, которая была на полголовы выше остальных, увидела блестящий козырёк его фуражки: полицейский крутил головой во все стороны и размахивал руками, словно разгонял стаю наглых ворон. За спиной полицейского виднелся обугленный остов святилища – как и говорила женщина из толпы, от него и впрямь почти ничего не осталось.

Не дожидаясь, пока резко отхлынувшая от святилища толпа отдавит ей ноги, Уми отошла в сторону. Ей показалось странным, что огонь не перекинулся на раскидистое дерево сакаки, которое росло прямо у стен сгоревшего храма.

Будто кто-то специально сдерживал огонь и не давал ему двинуться дальше святилища...

– *Колдовская работа*, – проворчал себе под нос Сан, о присутствии которого Уми напрочь успела забыть – так глубоко она погрузилась в раздумья.

Сделав вид, что поправляет сползший носок, Уми наклонилась к Сану и зашептала:

– Откуда ты знаешь?

– *Чую*, – коротко ответил Сан и снова сморщился. – *Магия у них смердит так, будто ещё по прошлой весне что-то в кустах сдохло.*

Похоже, у Сана с колдунами были какие-то свои личные счёты, потому как прежде Уми не доводилось слышать, чтобы другие ёкаи говорили о них в подобном тоне.

Как бы то ни было, вся эта история с сожжённым святилищем выглядела странно. Откуда было сильному колдуну взяться в Ганрю, на самых задворках империи? И зачем ему понадобилось сжигать какое-то крохотное святилище в старом квартале?

Может, в этом замешан колдун из балагана, о котором рассказал Сан?..

Заметив краем глаза какое-то движение, Уми повернула голову. К ней приближалась невысокая и пухленькая женщина с большой корзиной, которую она повесила на сгиб локтя.

Лицо женщины было румяным, как спелая хурма, а непослушные курчавые волосы выбивались из-под плоской соломенной шляпы.

Женщину эту звали Томоко Ёсида, и она вот уже почти двадцать лет работала в усадьбе Хаяси домоправительницей.

– Ах, Уми, беда-то какая! – всплеснула руками Томоко.

Из корзинки, накрытой крышкой, на Уми пахло рыбным духом – похоже, Томоко как раз возвращалась с рыбного рынка, который был неподалёку.

– Давай помогу, – улыбнулась Уми и протянула руку за корзинкой. Томоко безропотно отдала её, хотя в любой другой день наверняка стала бы артачиться и говорить, что «не пристало господской дочери рыбу с рынка таскать». Похоже, вид сгоревшего святилища и впрямь очень расстроил домоправительницу.

Сан смерил подошедшую женщину напряжённым взглядом, и Уми, покосившись на него, чуть заметно покачала головой. Томоко не могла видеть ёкая, но была одной из немногих, кто знал о способностях Уми. Живя с человеком под одной крышей столько лет, тяжело держать что-то в секрете.

– Подумать только, я же вчера заходила туда, чтобы переброситься словечком со стариком Кодо! – принялась тараторить Томоко. – Ты его не знаешь, он каннуси⁴ из святилища Поющих Сверчков. Иногда Кодо лично приходил сюда, чтобы присмотреть за святилищем, – так давно оно без хозяина, всё никого туда назначить не могли. Так вот, он сказал мне, что...

Уми довольно быстро потеряла нить рассуждений Томоко. Она то пускалась в пространственные объяснения, то, наоборот, едва упомянув о чём-то, тут же перескакивала на другое. Но вся суть истории Томоко сводилась к тому, что в сгоревшее святилище Речного Покоя только вчера назначили нового каннуси, но вступить в должность он так и не успел. Да и само святилище Томоко было жалко чуть ли не до слёз – оно было одним из самых старых в Ганрю, и, даже если у города найдутся деньги, чтобы отстроить его заново, оно уже никогда не будет таким, как прежде.

Наконец, когда женщины добрались до ворот усадьбы Хаяси, запас красноречия Томоко иссяк. Распрощавшись с Уми в коридоре, домоправительница быстро разулась и поспешила на кухню, где тут же принялась распекать за нерадивость одну из служанок.

Стоило Уми оказаться дома, как зуд на предплечье тут же стих, и до поры она напрочь о нём забыла. Она медленно побрела к себе, на второй этаж усадьбы – старого дома со слегка замшелой черепичной крышей. Всё, чего сейчас хотела Уми, – это проспать мёртвым сном по меньшей мере до обеда.

Но не успела она оказаться на лестнице, как навстречу выскочила девочка лет шести. Чёрные блестящие волосы не доходили ей до подбородка, а от яркого цветочного узора на кимоно рябило в глазах.

– *Вернулась, наконец,* – проворчала она, смерив Уми недовольным взглядом. Голос у девочки был довольно низким, а манера говорить больше оказалась бы под стать взрослой и умудрённой годами женщине, но никак не ребёнку.

Ничего удивительного в том, однако же, не было. О-Кин – именно так звали любительницу ярких кимоно, – была не человеческим ребёнком, но дзасики-вараси: домовым духом, охранявшим усадьбу Хаяси и всех его обитателей. О-Кин очень не любила, когда кто-то из обитателей усадьбы исчезал из-под её пригляда надолго. И потому ёкай всякий раз принималась ворчать на Уми, стоило той только показаться после очередной смены в игорном доме.

Но сегодня настроение домового духа оказалось омрачено появлением нежданного гостя, который, учуяв более сильного ёкая, тут же спрятался за Уми.

⁴ Священнослужитель.

– *Кого это ты притащила в дом О-Кин?* – нахмурилась ёкай и наклонилась, чтобы разглядеть Сана получше. Бедняга чуть не трясся от охватившего его страха, но всё же взгляд О-Кин выдержал стойко.

– *Пф, слабак,* – махнула рукой дзасики-вараси, и напряжение на её хорошеньком, почти что кукольном личике сменилось скукой. – *Даже неинтересно.*

– Он не для твоего интереса здесь, – устало проговорила Уми. Она обошла вставшую посреди лестницы О-Кин и поднялась к себе. – Это Сан, и пока он поживёт у нас.

Уми очень надеялась, что О-Кин не станет задирать Сана и даст ему отсидеться в усадьбе спокойно хотя бы несколько дней. Терпимостью О-Кин не отличалась: если что-то было ей не по нутру, она начинала пакостить – то огонь в очаге не даст разжечь, то посреди ночи устроит во всём доме жуткий сквозняк. И длиться это могло до тех пор, пока гнев О-Кин не утихнет – или пока её не умаслят подношением в виде чарочки sake, которую Уми каждое утроставляла на небольшой домашний алтарь.

Заметив, как поджала губы О-Кин, Уми поняла, что теперь одной чарочкой дела явно было не решить и придётся попросить целый кувшин вина из личных запасов отца. Но усмирением домового духа Уми решила заняться позже – сейчас она чувствовала себя настолько обессиленной, что с трудом переставляла ноги.

Смерив Сана презрительным взглядом, О-Кин поспешила следом за ней. Она умудрилась проскользнуть в комнату ровно в тот момент, когда Уми как раз закрывала раздвижные двери. Став бесплотным, Сан просочился следом и тихонько скрылся за створками стенного шкафа, воспользовавшись тем, что на него никто не обратил внимания.

– О-Кин, я очень устала сегодня, так что давай поговорим позже, – не дав ёкай и рта раскрыть, проговорила Уми.

Она выложила кобуру с револьвером на низенький столик, переделалась и начала было расстилать футон, но О-Кин уселась прямо у неё на пути и проговорила самым елейным голоском, на какой только была способна:

– *Ты обязательно отдохнёшь, Уми Хаяси.* – Глаза дзасики-вараси нехорошо блеснули. – *Но сначала расскажешь О-Кин, почему от тебя так смердит магией колдунов.*

Уми с нескрываемым изумлением уставилась на неё.

– О чём это ты?

О-Кин принялась: кончик её и без того вздёрнутого носика поднялся ещё сильнее. Ёкай склонилась над правой рукой Уми и резко задрала рукав кимоно.

Увиденное заставило Уми тяжело опуститься на татами, выпустив из рук так и не расстеленный футон. На правом предплечье её растекался багровый синяк, напоминавший по форме какой-то сложный иероглиф.

Так вот в чём была причина странного зуда... Великий Дракон, лучше бы это и впрямь была мошкара!

– Ч-что это? – только и смогла вымолвить Уми, глядя на странный синяк во все глаза. – Откуда он взялся?

– *Похоже, тебя прокляли,* – невозмутимо ответила О-Кин, с любопытством рассматривая странную отметину. – *Так что давай, рассказывай, какому колдуну ты перешла дорогу.*

Глава 4. Рюити

Новое имя ему не нравилось, но старое он не мог вспомнить, как ни старался. Его забрали у него так давно, что о потере напоминали лишь неприятная ноющая боль в груди, которая после приезда в Ганрю давала о себе знать всё чаще.

Сколько Рюити себя помнил, боли в сердце преследовали его неотступно. Госпожа Тё была сведуща в лекарском деле и потому сказала, что у него был врождённый порок.

«Не поддавайся сильным тревогам, и, может, проживёшь дольше, чем тебе было отмечено», – неустанно твердила ему патронесса, и Рюити старался следовать этому завету со всем усердием, на какое только был способен.

Но на сей раз Рюити чувствовал, что дело было не только в больном сердце. Может, окрестности Ганрю напоминали ему о том месте, где он жил ещё до того, как позабыл своё настоящее имя? Что-то неуловимое витало в крепком и густом воздухе, какой бывает только в предгорьях – что-то, что пробуждало в нём почти утраченную часть самого себя...

Рюити не любил, когда на него нападала меланхолия: она мешала сосредоточиться на деле. А сегодня, Владыка свидетель, ему мог понадобиться весь запас не растраченного ещё терпения.

По ту сторону стола на Рюити взирал тщедушный мужичок, лица которого тот уже видеть не мог. Он называл себя Косым Эйкити и захаживал в балаган, пожалуй, чаще прочих посетителей.

В первый раз Рюити увидел Эйкити с неделю назад, когда балаган дал в Ганрю своё первое представление. В тот день народу собралось столько, что к лоткам, где торговали всякой снедью и мелкими безделушками, было не протолкнуться.

В самый разгар дня Эйкити появился в шатре Рюити в сопровождении охраны. С их слов, Косой устроил беспорядки у аттракциона исполнения желаний и требовал дать ему кредит.

Как только Рюити увидел этого человека, то сразу понял, с кем имеет дело. Нищий, не знавший трезвой жизни вот уже много лет, возможно, ещё и игрок – люди, подобные Косому Эйкити, любили разного рода предсказания, в особенности если те сулили им большую удачу.

Не дожидаясь приглашения, Косой Эйкити уселся возле стола Рюити и принялся причитать: мол, как было бы здорово, если бы в балагане появилась возможность брать услуги в долг.

– Я бы отработал всё, Владыкой клянусь! – продолжал трещать Эйкити, пользуясь тем, что Рюити слушал его молча и не перебивал. – Мне бы только немножко удачи...

– Балаган не работает в долг, – отрезал Рюити, нацепив на лицо свою обычную вежливую и ничего не выражающую улыбку. Он знал, что у многих от неё был мороз по коже. Не стал исключением и Косой Эйкити, который тут же втянул голову в плечи, словно желал показаться ещё меньше и незначительнее, чем он был на самом деле.

Окинув изучающим взглядом своего собеседника, Рюити всё же заключил, что Эйкити, несмотря на всю свою очевидную бестолковость, тем не менее может оказаться полезным. Ещё раз обдумав так удачно озарившую его мысль, Рюити добавил:

– Однако один раз мы, пожалуй, сможем сделать исключение.

Улыбка на лице Рюити стала шире, отчего Эйкити совсем затрясся. Но любопытство пересилило страх, и он с готовностью выпалил:

– Если для вас, эта, надо сделать чего, так я сделаю!

– Да вы прямо схватываете на лету, – усмехнулся Рюити, и Эйкити надулся от гордости, приняв его слова за комплимент. – Вот как мы с вами поступим...

В тот день Рюити отвёл бродягу к госпоже Тё, и та исполнила его самое сокровенное желание – подарила удачу на один вечер, чтобы он смог как следует отыгаться в карты.

Вот только Косой Эйкити знать не знал, что ничего из выигранного у него не осталось бы. Духу, которого госпожа Тё приставила к нему, велено было забрать все деньги и принести в балаган. В конце концов, никто ведь не пообещал Косому Эйкити, что выигрыш достанется ему. А тот на радостях даже и не подумал ставить какие-то условия своим «благодетелям».

Однако в назначенное время ёкай, приставленный к Косому Эйкити, так не вернулся. Зато приполз сам Эйкити: с расквашенным носом, с полными карманами денег и без иредзуми на руке, которой притворялся дух.

– Г-госбодин Адаки, – прогнусавил Эйкити. – Бомогиде!

Он упал ему в ноги и уткнулся лбом в дорогой хамаадский ковёр, который устилал пол шатра. Рюити скривился: не хватало ещё, чтобы бродяга всё вокруг заляпал своей поганой кровью!

– Кто тебя так? – любопытствовал Рюити, без всякого, однако, сочувствия.

– Бедьма. – Эйкити испуганно тарасился, и глаза его от волнения косили ещё сильнее, чем обычно.

То и дело утирая сломанный нос, Эйкити поведал о том, как жестоко с ним обошлись в игорном доме, куда он отправился накануне вечером. Это место принадлежало якудза, и среди них вот уже несколько лет работала одна девушка. Красивая была, зараза, но больно умная: в удачливости Косого Эйкити она сразу заподозрила неладное, но до последнего не могла понять, в чём же было дело. Потом она каким-то образом узнала об иредзуми на предплечье Эйкити и одним прикосновением сняла её...

– Постой-ка, – перебил его Рюити. – Что значит сняла?

Косой Эйкити задрал правый рукав и показал ему чистое предплечье, на котором ещё недавно красовалась иредзуми.

Но это попросту невозможно! Если дух исполнил желание Эйкити и иллюзия развеялась, то на её месте должен был остаться след колдовства, невидимый глазу обычного человека. Но на предплечье Косого Эйкити не осталось ровным счётом ничего, словно его никогда не касалась магия госпожи Тё.

На этот раз Рюити и впрямь заинтересовала история Эйкити. Похоже, духовная сила работницы игорного дома оказалась настолько велика, что она сумела не только почуять духа и прикоснуться к нему, но и развеять колдовство самой патронессы!

– Расскажи мне побольше об этой якудза, – попросил Рюити.

А знал Косой Эйкити, как выяснилось, не так уж и много. Та, кого он упорно продолжал называть «ведьмой», была молодой ещё девушкой по имени Уми. Похоже, они с управляющим игорного дома состояли в особых отношениях, потому как тот не раздумывая ударил Эйкити, стоило тому дурно отозваться о ней.

Больше ничего толкового Рюити так и не сумел добиться. Но и сразу отделаться от Косого Эйкити не вышло: тот требовал вернуть иредзуми взамен на выигранные им деньги.

Вот ведь олух. Похоже, Косой Эйкити и впрямь не сознавал, как ему повезло: пожалуй, впервые за всю его никчёмную жизнь. Но говорить об этом вслух Рюити, разумеется, не стал.

Допустить Эйкити к патронессе он не мог. У госпожи Тё и без этого оборванца хватало забот. К тому же, если она узнает, что иредзуми Эйкити бесследно исчезла, то наверняка придёт в ярость. А чем это заканчивалось, Рюити знал не понаслышке.

С другой стороны, если спровадить Эйкити, то к завтрашнему утру у него не останется ни сэна. Такие люди не знали цену деньгам и потому расставались с ними быстро и бестолково. Если Эйкити снова представится случай перебраться в карты, он наверняка им воспользуется – и проиграется вчистую, ведь «приносящей удачу» иредзуми у него больше не было.

А выигрыш Косого Эйкити мог очень пригодиться в балагане – уж Рюити-то сумел бы найти этим деньгам достойное применение!

– Вот что, приходи-ка лучше завтра, – от отеческой заботливости в собственном голосе Рюити чуть не стошнило, но ему всё-таки удалось сдержаться. – Отдохни и приведи себя в порядок, а я пока подготовлю нашу гадательницу к той... досадной неожиданности, что с тобой случилась. И вместе мы решим, как можно тебе помочь.

Косой Эйкити рассыпался в благодарностях, даже не представляя, что его ждёт. Когда он, наконец, ушёл, Рюити позвал своего доверенного помощника Ноббру и объяснил, что надо делать. Молчаливый и понятливый, Ноббру лишь кивнул в ответ, а затем скрылся так же быстро, как и явился на зов своего господина.

Рюити несколько не сомневался, что, не успеет на дворе пробить час Козы⁵, как Эйкити навсегда распрощается со своим добром. Если верить слухам, за последние годы в портовом квартале стали куда реже грабить прохожих, но случалось всякое. И вряд ли в нападении тощего головореза Эйкити заподозрит участие хозяина балагана. А если Косой всё же решит снова заявиться в балаган, то Рюити разъяснит ему, что без денег не будет и услуги, и говорить тут больше не о чем.

Отгнав от себя мысли о бродяге, Рюити вернулся к тому, о чём он рассказал. Та якудза из игорного дома... Люди, наделённые даром видеть ёкаев, встречались редко. Тем удивительнее было наткнуться на такого человека в столь далёком от столицы захолустье, да ещё и среди обычного вора.

И всё же Рюити терялся в догадках, как эта Уми смогла развеять чары госпожи Тё. Иллюзии иредзуми, которые патронесса наводила на посетителей аттракциона исполнения желаний, были сложным колдовством, владение которым госпожа Тё оттачивала в течение многих лет. Завязанная на крови колдуна и жертвы, между ними создавалась тесная связь, разорвать которую могла лишь поистине сильная магия.

Рюити намеревался взглянуть на эту Уми своими глазами, чтобы понять, могла ли она сотворить такое. И если нет, то отыскать того, кто ей помогал. Этот человек мог вмешаться в их планы в самый ответственный момент и отнять у Рюити всё, к чему он стремился столько лет.

Он просто не мог этого допустить.

Насколько Рюити было известно, в Ганрю последние несколько лет всем заправлял только один клан якудза – Аосаки-кай. Рюити решил, что надо бы разузнать о них побольше у патронессы – в конце концов, в прошлый свой приезд в Ганрю ей уже доводилось иметь дело с этими людьми. Но госпожа Тё не должна ничего заподозрить. Чем дольше патронесса будет пребывать в неведении, тем больше Рюити сумеет предпринять и обыграть сложившуюся ситуацию в свою пользу.

Решив не откладывать разговор, Рюити направился напрямик к госпоже Тё. Несмотря на то, что колокол на ближайшем святилище совсем недавно пробил час Змеи⁶, к шатру патронессы уже выстроилась большая очередь. Хотя балаган и стоял в Ганрю уже с неделю, в аттракцион исполнения желаний до сих пор тянулись толпы желающих изменить свою судьбу. Слухи по городу распространялись быстро, и люди, находившие вдруг давно пропавшие вещи или воссоединившиеся с возлюбленными, которые их когда-то отвергли, радостно несли весть о том, что желания, доверенные загадочной гадательнице в маске, и впрямь сбываются.

Рюити обогнул очередь. Многие уже знали, кто он такой, – в день открытия балагана ему пришлось выступить перед собравшимися с приветственной речью. Девушки и женщины провожали Рюити восхищёнными взглядами. Мужчины же, хотя и вежливо кивали, тут же отводили глаза, словно их снедала зависть. Наверняка они гадали, как такой молодой человек мог в одиночку владеть целым балаганом.

⁵ Примерно 2 часа дня.

⁶ Час Змеи начинался примерно в 10 утра.

Отгадка была простой. Хотя, узнай кто об истинном положении дел, Рюити лично позаботился бы о том, чтобы этот человек замолчал навсегда. Несмотря на то что Рюити вёл себя как хозяин балагана и отдавал все распоряжения артистам и работникам, на деле он был лишь исполняющим обязанности владельца. Настоящей же хозяйкой балагана была и оставалась госпожа Тё, но в последние годы её сильно утомляло общество других людей. Не переносила она и чрезмерного внимания к своей особе. Вот почему несколько лет назад госпожа Тё передала Рюити все дела, а сама удалилась на покой, оставив для собственного развлечения только аттракцион исполнения желаний.

Там не было нужды объяснять людям, почему она носила маску. Госпожа Тё всегда скрывала лицо, сколько Рюити её знал. Истинный облик патронессы был надёжно спрятан за белым женским ликом маски театра Но. Лицо на маске всегда улыбалось, но в улыбке этой не было ни тепла, ни жизни. Лишь глаза, тёмные и колючие, были настоящими. За столько лет Рюити научился определять настроение своей патронессы по глазам – единственному, что принадлежало не застывшему навеки лику, но живому человеку.

Поклонившись всем собравшимся у шатра госпожи Тё, Рюити с вежливой улыбкой встал у самого полога и объявил:

– Спасибо, что пришли к нам сегодня. Моё сердце согревает мысль, что всё больше и больше людей получают радость от посещения нашего балагана.

– Какой же он хорошенький, сил моих нет! – прошептала своей подруге немолодая дама, стоявшая у шатра в числе первых. Подруга рьяно закивала, не отрывая жадного взгляда от лица Рюити. Он уже давно привык к подобной реакции на свою внешность, и потому чужие взгляды и слова нисколько не могли поколебать его спокойствия.

– И особенную радость я ощущаю от того, что вы по достоинству оценили наш аттракцион исполнения желаний, – продолжал вещать Рюити, обводя взглядом собравшихся. – Но наша гадательница нуждается в отдыхе. – Он состроил грустную мину и покачал головой. – Мне неловко просить вас об ожидании, но я надеюсь, что вы войдёте в наше положение. Магия требует много сил. Думаю, каждому хотелось бы, чтобы его желание исполнилось самым наилучшим образом.

Из толпы слышались одобрительные возгласы, многие согласно закивали. Рюити достал из рукава свёрнутый трубочкой лист бумаги и протянул его девушке, стоявшей в очереди первой. Она зарделась, но руку за бумагой всё же протянула.

– Напишите сюда свои имена, и позже вы сможете попасть на аттракцион ровно в том же порядке, в каком пришли, это я вам обещаю. К тому же в благодарность за ваше терпение следующее посещение аттракциона исполнения желаний будет для вас... бесплатным.

Перед последним словом Рюити сделал драматическую паузу, и она возымела ожидаемое действие. Даже те из гостей, которые поначалу были недовольны словами Рюити, с готовностью передавали друг другу листок и вписывали туда свои фамилии.

Сам же Рюити, воспользовавшись тем, что на него перестали обращать внимание, скользнул за полог шатра и плотно завесил его за собой. Гомон толпы тут же стих. То была магия госпожи Тё – она не любила, когда её что-то беспокоило или отвлекало во время «гаданий». Колдовство работало и в обратном направлении: стоящим снаружи не было слышно, что происходило внутри шатра. Рюити полагал, что порой такая предосторожность и впрямь была нелишней.

Внутри шатра царил густой полумрак, пропахший приторными благовониями, которые так любила госпожа Тё. Тусклый свет исходил от одной-единственной лампы, стоявшей на низеньком столике.

Из-за ширмы вдруг выплыла белая фигура, казавшаяся при таком освещении призрачной. Госпожа Тё носила только белое – в тон своей неподвижной маске, которая так смущала большинство её посетителей.

– Ловко ты их отвадил, – проговорила она. Голос у неё был низкий и глубокий – от него у Рюити всегда по спине пробегала невольная дрожь. – Признаться, я и впрямь порядком утомилась.

Она уселась чуть в стороне от столика на расшитый дзабутон⁷ и достала из рукава своего старомодного кимоно длинную тонкую трубку.

Пока патронесса неторопливо набивала трубку, Рюити начал говорить:

– На самом деле я пришёл к вам за советом, госпожа Тё.

Она чуть склонила голову в его сторону, давая понять, что внимательно слушает.

– Помнится, вы как-то упоминали, что в прошлый приезд в Ганрю вам уже доводилось иметь дело с кланом Аосаки. Сегодня утром они прислали письмо, в котором предложили немного изменить условия нашего сотрудничества.

Никакого письма Рюити, конечно же, не получал, но госпожа Тё не могла этого знать – она уже давно передала ведение балагана в его руки и потому не читала даже писем, которые приходили на имя владельца.

Искусный лжец, Рюити так ловко и складно сочинял на ходу, что госпожа Тё не заподозрила неладное. Она лишь с удивлением уставилась на него, выдохнув дым чуть громче обычного.

– Изменить? И что же?

– О, насколько я понял, повод там весьма незначительный, – усмехнулся Рюити. – Они хотят получить бесплатные билеты на завтрашнее представление и договориться о частном выступлении одного из наших артистов. Вам беспокоиться об этом нет нужды – я намереваюсь встретиться с ними лично. И потому мне хотелось бы узнать, чего вообще стоит ожидать от этих людей.

Госпожа Тё ответила не сразу. Когда она курила, то чуть сдвигала маску в сторону, обнажая тонкие и бледные губы. Она задумчиво покусывала мундштук, уставившись в окуранный благовониями полумрак, и молчала, раздумывая над ответом. Рюити терпеливо ждал – он знал, что не стоило торопить патронессу.

– Насчёт билетов решай сам – хоть все им раздай, – безразлично махнула она рукой. – Но наши артисты работают только в балагане и никуда отсюда не выезжают.

– Я так им и передам, – угодливо поклонился Рюити.

– Теперь что касается якудза. Вряд ли с тобой будет беседовать сам глава клана, – продолжала госпожа Тё. – Скорее всего, на встречу придёт или его помощник Уэда, или кто-то из более мелких сошек. Уэду ты узнаёшь сразу, у него отсутствует одно ухо. Если купишь ему выпить, он станет твоим другом на веки вечные. Ну или до конца вечера так точно.

В голосе госпожи Тё слышалась неприкрытая скука, словно даже говорить о якудза ей было в тягость. Но когда она продолжила, в голосе её звучало куда больше оживления, чем прежде:

– Но Итиро Хаяси может послать на встречу другое своё доверенное лицо. Насколько я слышала, у него есть дочь, и притом довольно взрослая, чтобы доверить ей переговоры с партнёрами. Как же её звали... Ах да, Уми.

При звуках этого имени Рюити едва заметно вздрогнул. На его счастье, госпожа Тё снова склонилась над табакеркой и потому ничего не заметила.

Могло ли это быть простым совпадением? Рюити казалось маловероятным, чтобы дочь главы клана работала в игорном доме. С другой стороны, кто их разберёт...

Голос госпожи Тё вывел его из размышлений:

– Надеюсь, твоя встреча с кланом Аосаки не затянется надолго. Этим вечером ты мне нужен.

⁷ Плоская подушка для сидения.

Рюити посмотрел на неё: даже в ореоле дымки от благовоний и табака глаза госпожи Тё ярко сверкали, как два наполненных магией камня.

– Для меня снова появилась работа? – с пониманием хмыкнул Рюити.

Госпожа Тё кивнула и поманила его к себе. Прихватив с собой масляную лампу, Рюити опустился напротив неё. Госпожа Тё отложила трубку и достала из рукава перевязанную лентой пачку писем. Развязав её, она вытащила конверт, лежавший на самом верху, и протянула его Рюити. Он бегло ощупал конверт: бумага была старой и пожелтевшей, а тушь кое-где совсем поистерлась. Почерк был Рюити незнаком.

– Когда-то я состояла в переписке с одним весьма уважаемым каннуси из Дайсина, – пояснила госпожа Тё, встретившись с вопрошающим взглядом Рюити. – Образованный был человек, не чета нынешним его коллегам. От него-то я впервые и услышала легенду о Глазе Дракона – до того до меня доходили лишь слухи об этом сокровище.

Когда госпожа Тё говорила о Глазе, голос её сразу менялся – словно она вспоминала о своём давнем возлюбленном, чувства к которому всё ещё не остыли в сердце. Рюити слишком хорошо знал патронессу, чтобы понимать: то и впрямь была страсть, безудержное желание обладать чем-либо прямо здесь и сейчас. И желательно до самой смерти.

Рюити узнал о Глазе Дракона спустя год, как присоединился к балагану госпожи Тё. Он не мог не заметить, что патронесса часто отлучалась куда-то: в ту пору она ещё не была такой затворницей. Однажды, проследив за ней до старого святилища, Рюити подслушал разговор госпожи Тё со стариком-каннуси, который поведал о древней битве Великого Дракона, где он лишился глаза. После старик обмолвился, что, мол, Глаз Дракона-то и не легенда вовсе и что он до сих пор спрятан в каком-то старинном святилище на самой окраине империи...

В тот день слова старого священника до глубины души поразили Рюити. Раз Глаз Сэйрю и впрямь не выдумка, выходит, его можно отыскать и обернуть его силу себе на пользу?

Однако радость от узнанной им тайны оказалась недолгой. Госпожа Тё поймала Рюити с поличным, и в ту злополучную ночь он впервые понял со всею ясностью, какой жесткой она была. Своим проклятым кинжалом, выкованным из стекла, добытого на огненной горе, она резала мальчишку до самого рассвета – и некоторые из этих шрамов до сих пор начинали ныть, стоило только госпоже Тё появиться рядом с Рюити.

Когда большая часть ран на мальчике зажила, гнев госпожи Тё угас. Она повелела Рюити искупить свою вину и помочь ей отыскать Глаз Дракона. Госпожа Тё пообещала ему, что, если он будет верен ей, они разделят силу этого легендарного сокровища между собой, как и подобает равным.

Вот только Рюити несколько не сомневался, что, как только они отыщут Глаз, госпожа Тё тут же избавится от него. Зачем делиться с кем-то силой Глаза, если можно оставить себе всё?

Он поступил бы именно так.

Но сначала Глаз требовалось отыскать, и сделать это вместе было значительно легче, чем в одиночку. Поэтому Рюити набрался терпения и выжидал...

– Я решила показать письмо каннуси в надежде, что ты сможешь разрешить одну загадку, – не догадываясь о крамольных мыслях своего воспитанника, продолжала госпожа Тё. Кончиком трубки она указала на нужную строчку в письме.

Поднеся листок поближе к лампе, Рюити прочитал:

«Когда вода орошает воду, когда око недреманное взирает окрест, тогда-то и появляется Владыка, и всегда он в окружении белого ореола...»

Остальные несколько иероглифов в письме кто-то вымарал так старательно, что разобрать написанное было попросту невозможно.

– Что это значит? – Рюити указал на вымаранные места.

– Это подсказка, – глаза госпожи Тё сверкнули, отражая пламя, горевшее в лампе. – Полагая, она должна навести нас на название святилища, где спрятан Глаз.

– Вы не пробовали восстановить вымаранные иероглифы? – уточнил Рюити, ещё раз повертев письмо и попробовав просмотреть его на свету.

Госпожа Тё лишь усмехнулась в ответ.

– Я много чего перепробовала, вот только толку, сам видишь, не вышло. Тот каннуси был сведущ в колдовстве, и он надёжно спрятал подсказку, чтобы столь ценные сведения не попали не в те руки.

– Значит ли это, что «не теми руками» он считал ваши, госпожа? – не мог не спросить Рюити.

Патронесса смерила его надменным взглядом и нехотя произнесла:

– Видимо, каннуси в какой-то миг пожалел о своей откровенности и уничтожил подсказку, которую по неосмотрительности оставил. И вот здесь-то мне и понадобится твоя помощь, Рюити.

– Я сделаю всё возможное, – не покривил он душой. Отыскать Глаз Дракона Рюити жаждал не меньше патронессы.

– Другого ответа от тебя я и не ждала, – в голосе госпожи Тё он услышал нотки одобрения. Рюити ещё раз перечитал написанное.

– Вода орошает воду, – пробормотал он. – Речь идёт о дожде?

– Я тоже так подумала, – закивала госпожа Тё. – И око недреманное – это наверняка луна. Когда весь мир спит, она выходит на небо.

– А дальше уже, похоже, начинается старческий бред, – проворчал Рюити, снова вчитываясь в письмо. – В каком ещё белом ореоле появляется Дракон? Из облака, что ли?

– Это слишком очевидно, – отмахнулась от него госпожа Тё. – И потому не может быть разгадкой. Но других вариантов у меня пока нет. Поэтому на сегодня твоя задача – как следует осмотреться в святилище Поющих Сверчков, прежде чем уничтожить его.

– Думаете, я мог что-то упустить в святилище Речного Покоя?

– Теперь мы этого не узнаем, – госпожа Тё выпустила в его сторону очередную порцию дыма, и на этот раз Рюити показалось, что он принял форму удавки, которая начала медленно затягиваться вокруг его шеи.

– Я понял, буду внимательнее. – Он разогнал ладонью дым. – Когда приступать?

Госпожа Тё подняла на него глаза. Рюити увидел, как из-под маски начала струиться угольно-чёрная тень, и тут же невольно отвёл взгляд, поёжившись.

– Как только зайдёт солнце, – приказала госпожа Тё и затушила трубку.

Глава 5. Уми

Когда Уми рассказала дзасики-вараси о Косом Эйкити и иредзуми, за которой прятался Сан, О-Кин надолго погрузилась в раздумья. Уми уже начала было дремать, навалившись всем весом на не расправленный до конца футон, как из забытья её вывел голос ёкай:

– *Всему виной иредзуми, до которой ты дотронулась.*

Уми с трудом заставила себя сосредоточиться на словах О-Кин, а для этого ей пришлось оторваться от казавшегося таким мягким футона и сесть прямо.

– Мы не можем знать наверняка-а, – покачала головой Уми, пытаясь подавить зевок. – Вдруг она всё же появилась раньше? Я не смотрела на свои руки во время работы.

– *О-Кин уверена, что причина появления проклятой метки – именно иредзуми*, – упрямо поджала губы дзасики-вараси.

– Сан говорил, что хозяин балагана – колдун, – вспомнила Уми слова духа. – Но зачем ему понадобилось проклинать меня? Я ведь его даже не знаю!

– *Кто ж его разберёт?* – хмыкнула О-Кин. – *Он мог наслать на тебя проклятие по ошибке.*

– Хороша ошибка, – проворчала Уми, стараясь удержаться от того, чтобы снова почесать саднившее предплечье. Страх липким комом засел у неё в груди – Уми не знала, что делать и кто мог бы помочь в её беде. – Только вот что мне теперь с этим делать? Не могу же я так просто взять и заявиться в балаган и обвинить Рюити Араки в том, что он наслал на меня проклятие! Наверняка он станет всё отрицать, а никаких доказательств, что этот Араки – колдун, у меня нет. Кроме слов ёкаев, которых, похоже, в этом проклятом городе могу видеть только я!

Осознав, что она говорила громче, чем следовало в столь ранний час, Уми заставила себя замолчать. Ей вдруг вспомнилось окончание сегодняшней смены: никто из работников игорного дома не смотрел в лицо, когда заговаривал с ней. Даже Ёсио старался отводить глаза, пусть и не столь явно.

Отчуждение и недоверие. С самого детства Уми привыкла к косым взглядам, всюду сопровождавшим её. Дети якудза, которые иногда появлялись в усадьбе вместе со своими отцами, играли с Уми только по настоянию взрослых. Соседи начинали шептаться, стоило только Уми показаться за воротами усадьбы. Слухи о странной девочке из клана якудза, которая часто разговаривала сама с собой и пугалась того, что никто, кроме неё, не мог увидеть, расползались по городу со скоростью холеры в бедняцких кварталах. Потому не было ничего удивительного в том, что с Уми никто не хотел знаться. Если бы не положение клана Аосаки в обществе, жизнь Уми могла оказаться гораздо тяжелее. Несмотря на размах, с которым город застраивался в последние годы, Ганрю был и оставался одной большой деревней, где многие знали если не тебя, так кого-нибудь из твоей родни или знакомых. И потому не обращать внимания на досужие сплетни Уми было бы очень и очень нелегко.

Уми осознавала, как, должно быть, странно выглядела этим утром со стороны, когда прижучила Косого Эйкити, – ведь Сана больше никто не мог увидеть, а вот исчезновение иредзуми не осталось незамеченным даже для заметно окосевших от выпитого игроков.

Эйкити назвал её ведьмой – может, слова эти были не так уж далеки от истины? Во всяком случае, они объясняли бы, почему Уми может видеть ёкаев так же отчётливо, как и обычных людей...

– *Забудь об этом колдуне*, – дзасики-вараси мягко погладила Уми по руке. – *Тебе не обязательно идти к нему. О-Кин уверена, что в Ганрю найдутся и другие люди, которые будут готовы помочь.*

– *Вот только пока Уми удастся отыскать их, драгоценное время будет упущено*, – донёсся со стороны стенового шкафа вкрадчивый голос.

Уми и О-Кин разом повернулись в ту сторону. Двери шкафа были чуть раздвинуты, и оттуда на них, загадочно блестя красноватыми глазками, глядел Сан.

– *Я невольно стал свидетелем вашего разговора*, – начал было он, но О-Кин перебила его:

– *Называй вещи своими именами – ты попросту подслушивал!*

Оставив её слова без внимания, Сан невозмутимо продолжал:

– *Работая в балагане, я многое видел. Но о проклятых метках слышу впервые. Могу я взглянуть?*

Уми решила, что хуже от этого ей уже точно не станет, и потому кивнула. Сан с готовностью засеменил к ней и опустился на татами, склонив чешуйчатую и слегка вытянутую, как у ящерицы, мордочку над поражённым странной меткой предплечьем.

– *Выглядит скверно, а пахнет и того хуже*, – отметил он, выпростав между губами тонкий раздвоенный язычок.

– Да у тебя дар успокаивать людей, – усмехнулась Уми, хотя ей было совсем не весело.

– *Я не издеваюсь, ты не подумай!* – Сан поднял обе лапки вверх, демонстрируя тем самым чистоту своих намерений. – *Я лишь хочу сказать, что дело и впрямь серьёзное.*

Было в тоне ёкая что-то похожее на узнавание, и это заставило Уми спросить его:

– Ты разбираешься в проклятиях? Можешь помочь?

Но ёкай лишь покачал головой.

– *Как я уже говорил, встреча с монахом лишила меня большей части сил. Так что толку от меня будет немного. Но я знаю способ, как можно замедлить действие проклятия.*

Увидев интерес на лице Уми, Сан приободрился и продолжил уже более уверенным тоном:

– *Я слышал, что проклятие можно «обмануть». Если его наслали на человека, то всего-то и нужно, что притвориться кем-то другим.*

– Другим? И кем же?

– *Ёкаем, конечно.* – Сан улыбнулся, и только теперь Уми заметила, какие у него были остерённые и белые зубки.

– Ты так говоришь, будто это просто, – засомневалась Уми.

Её тревожило, что О-Кин молчала и исподлюбья глядела на Сана, словно пыталась понять, что тот задумал. Но пока она в открытую не возражала против предложенного Саном плана, Уми решила дать ему возможность высказаться до конца.

– *Не так просто, как хотелось бы*, – вздохнул Сан. – *И для тебя это может стать непростым испытанием. Однако ты получишь отсрочку, необходимую для поисков того, кто сумеет снять проклятие.*

Непростое испытание. Отсрочка. Слова Сана не добавляли Уми уверенности в том, что ей вообще стоит соглашаться на то, что он ей предлагал.

С другой стороны, был ли у неё выбор? Как много времени осталось, прежде чем проклятие окончательно возьмёт верх? Думать об этом Уми совершенно не хотелось, однако она всё же предпочитала знать наверняка, что её ждёт, чем теряться в догадках.

– Ты знаешь, что со мной будет, если так и не удастся снять проклятие?

– *Точно сказать не могу*, – замялся Сан. – *Но чем скорее ты избавишься от проклятой метки, тем лучше.*

Уми тяжело вздохнула – она и без лишних напоминаний знала, что не стоило с этим тянуть.

– Что ж, тогда расскажи мне, как человек может превратиться в ёкай.

– *Не превратиться, что ты!* – замахал на неё лапками Сан. – *Об этом и речи быть не может! Я говорил лишь о том, чтобы на время заглушить твою человеческую суть, которая может подпитывать проклятие.*

– А это не опасно? – с сомнением спросила Уми.

– *Опасно, и ещё как!* – наконец подала голос О-Кин. Она гневно сверкнула глазами из-под насупленных бровей. – *Тебе ли не знать, какой сильный запах источают новоявленные духи? Да на него сразу со всех окрестностей слетятся голодные призраки, и даже О-Кин не удастся защитить усадьбу от их нашествия!*

Уми нахмурилась. О том, как появлялись ёкаи, никто не знал – даже сами духи. Они говорили, что истина была ведома только потомкам рода Содзёбо – последней династии могущественных князей ёкаев, чей род до сих пор не прервался. А они не спешили делиться откровениями со своими подданными.

Так что домыслов о происхождении ёкаев и впрямь было много. Кто-то говорил, что духов порождала сама ки – великая животворящая сила, пронизывающая весь мир. Другие же считали, что ёкаями становились души когда-то умерших людей и прочих живых существ: в теле духов они обретали второе рождение и наделялись способностями к магии.

Голодные же призраки, которых упомянула О-Кин, не были ни живыми, ни мёртвыми. Эти существа когда-то были душами, не сумевшими обрести покоя в Стране Корней. Отвергнутые миром живых и царством мёртвых, эти неприкаянные души были вынуждены обретаться между мирами, пожирая всё живое, до чего могли добраться. Вот почему люди издревле почитали дзасики-вараси и прочих духов, охранявших странников в дороге, – сила ёкаев держала голодных призраков на почтительном расстоянии от человеческих жилищ и тех, кто был под защитой дружественных духов.

Если то, что предлагал сделать Сан, могло навлечь беду на всех обитателей усадьбы, то пойти на такое Уми попросту не могла. Пускай лучше проклятие убьёт её, чем она станет причиной гибели отца и всех, кого знала и любила с самого детства!

– Я не могу подвергнуть опасности своих близких, Сан, – ответила Уми. – Спасибо, что пытался помочь мне, но придётся всё-таки поискать другое решение.

Сан наклонил голову.

– *Если вдруг передумаешь, я расскажу тебе, что нужно делать,* – ответил он.

– *Не передумает,* – ответила О-Кин вместо Уми. Она всё ещё сердилась на Сана, и потому тон её был непривычно резким. – *Если и впрямь хочешь помочь, прогуляй по городу и пощи колдунов. Тогда, быть может, О-Кин разрешит тебе остаться.*

Уми хотела было объяснить О-Кин, что это она позвала Сана какое-то время пожить в усадьбе, пока он не сможет вернуться домой, но от усталости не смогла вымолвить ни слова. Стены комнаты заходили ходуном, а в ушах вдруг зашумело так, словно к голове внезапно прилила вся кровь, что до того спокойно бежала по жилам.

Похоже, что-то резко переменилось в лице Уми, потому как О-Кин тут же подлетела к ней и подхватила под локоть, не давая упасть. С пухленьких, словно кукольных, щёчек О-Кин разом сошли все краски, а её глаза были полны тревоги.

– *Тебе стоит прилечь,* – произнесла О-Кин тоном, не терпящим возражений.

«Я бы уже давно лежала, если бы кое-кто не решил поболтать на сон грядущий», – чуть было не сорвалось с языка Уми.

– *Уже началось,* – донеслось от дверей встревоженное бормотанье Сана. – *Проклятая метка будет подпитываться силами Уми до тех пор, пока не убьёт её!*

– *Сейчас О-Кин тебя убьёт, если не поспешишь и не отправишься на поиски колдуна!*

С этими словами дзасики-вараси махнула рукой в сторону Сана, и тот кубарем выкатился в услужливо раздвинувшиеся двери. Бесцеремонно выдворенный в коридор ёкай что-то проворчал и с неохотой затопал по лестнице.

Когда шаги Сана стихли внизу, О-Кин вернулась к Уми и уселась рядом с ней, словно заботливая сестрица.

– *О-Кин не доверяет этому духу,* – понизив голос, проговорила она. – *Больно много на себя берёт. Притвориться ёкаем, ну надо же!*

– Если у меня и правда осталось не так уж много времени, – пробормотала Уми, с трудом борясь с дремотой, – то, может, и впрямь стоит попробовать притвориться ёкаем? Всё, что цветёт, рано или поздно неизбежно увянет...

О-Кин нахмурилась, но ничего говорить не стала, потому что Уми уже глубоко задышала, погрузившись в сон. Тяжело вздохнув, дзасики-вараси положила ладонь на лоб Уми и что-то тихо прошептала. В тот же миг весь дом будто бы выдохнул: заскрипели ставни на окнах, все раздвижные двери разом приоткрылись, выпуская с улицы ветер.

– *Пока ты под защитой этого дома, никто не сможет тебе навредить*, – чуть слышно прошептала О-Кин, и глаза её заблестели немного ярче, словно от подступивших к ним слёз. – *Однажды О-Кин уже дала это обещание и потому сдержит его, чего бы ей это ни стоило...*

* * *

Когда Уми проснулась, рядом с ней никого не оказалось. Она не помнила, как заснула, но зуд в предплечье оживил в памяти разговор с ёкаем. Кто-то её проклял...

Уми вдруг захотелось сжаться, чтобы стать как можно меньше, и спрятаться под одеялом. Давняя привычка детства давала о себе знать до сих пор. Уми пряталась под одеялом в тот день, когда ушла мать, и продолжала делать это много дней спустя, когда она перестала ждать, что вот-вот скрипнут раздвижные двери её комнаты и родные тёплые руки снова обнимут, как раньше.

Умом она понимала, что бесполезные прятки не вернут мать и не склеят трещину в их семье, как делают иногда мастера со старой посудой. Они смешивают лак с золотым порошком и осторожно заливают им трещины в чашах и пиалах. Уми не раз видела такую посуду в гончарных мастерских, вот только от одного взгляда на позолоченные трещины в тарелках ей становилось тоскливо. Каким бы красивым ни был шрам, шрамом он на всю жизнь и останется...

Солнце поднялось высоко, и его рассеянные лучи проникали сквозь решётчатые деревянные ставни. Уми заставила себя оторваться от футона и отодвинуть ставни, чтобы впустить в комнату хоть немного свежего воздуха. Она готова была сделать всё что угодно, лишь бы отогнать непрошенные мысли о матери на самые задворки своей памяти – туда, где им было самое место. Сейчас Уми сильнее должны были волновать собственные проблемы.

Например, как снять проклятие, пока оно не убило её.

День уже был в самом разгаре. По разморённому жарой воздуху носились блестящие огромные стрекозы: Уми невольно засмотрелась на их рваный полёт над небольшим прудом в дальней части сада. От амбара доносился зычный голос Томоко, которая указывала нескольким служанкам и братьям клана Аосаки, посменно охранявшим усадьбу, что надо делать. Уборка, которая каждый год затевалась перед Обоном, была в самом разгаре. Предков следовало встречать в чистом доме, и потому приготовления ко Дню поминовения ушедших с лёгкой руки Томоко начались ещё в начале месяца.

Кто-то из служанок оставил в комнате небольшую лохань с чистой прохладной водой. Раздевшись донага, Уми с наслаждением умылась над лоханью, а потом и переоделась во всё чистое. Жёлтая рубаха, расшитая белыми цветами сливы, и штаны-хакама в мелкую полоску – в них, в отличие от кимоно, легко можно было спрятать револьвер в карманной кобуре. С оружием Уми предпочитала не расставаться.

После умывания она почувствовала себя намного лучше, и страх, который поначалу охватил её, стоило только вспомнить о багровой отметине на предплечье, постепенно отступил. При свете дня всё перестало казаться Уми столь же безнадежным, как то было утром, когда она только узнала о проклятии и совершенно не представляла, что с этим делать.

У неё есть ещё время, и она обязательно со всем справится. Иначе просто и быть не может.

Открыв дверь, Уми чуть не споткнулась о небольшую пиалу, которую кто-то оставил прямо у порога. Тихо ругнувшись себе под нос, Уми наклонилась и взяла пиалу в руки. К её боку приклеился небольшой пожелтевший кленовый листочек – он пощекотал Уми пальцы, и потому она его заметила. Аккуратно отлепив листочек от пиалы, Уми увидела, что на нём было что-то написано:

«Выпей всё, станет лучше. С.».

Уми понюхала содержимое пиалы: на неё пахнуло горьким травяным духом. Похоже, прежде чем отправиться на поиски колдуна, Сан приготовил для неё какое-то полезное снадобье. Уми не ожидала от малознакомого духа такой отзывчивости. И чего О-Кин на него так взъелась?

Отхлебнув глоток, Уми поморщилась – на вкус снадобье оказалось горьким и вяжущим, как недозрелая хурма. Чтобы не растягивать мучение надолго, вторым большим глотком Уми осушила пиалу и помотала головой. Теперь она была согласна прямо сейчас притвориться ёкаем или самой отправиться на поиски колдунов, лишь бы не пить больше эту гадость!

Спустившись вниз, Уми поразились тому, какая во всём доме стояла тишина. Ведущие в сад сёдзи были настежь распахнуты, чтобы впустить внутрь хоть немного прохладного ветра, задувавшего с реки. Где-то неподалёку тихонько трещал кузнечик.

Уми подумала, что во всём доме она одна, и потому вздрогнула от неожиданности, когда дверь, ведущая в кабинет отца, с тихим шорохом отъехала в сторону.

Итиро Хаяси выглянул в коридор. Он сдвинул очки на переносицу и прищурился, глядя на Уми.

– Ну наконец-то! – проворчал он, смерив её внимательным взглядом. – А то я уже начал бояться, что ты проспишь до самого ужина.

Он поманил Уми к себе и тут же снова скрылся в своём кабинете. Вздохнув, она неслышно скользнула следом, задвинув за собой дверь.

Итиро Хаяси был крепким и жилистым мужчиной, которому скоро должно было сравняться пятьдесят. Но выглядел он значительно моложе своих лет, и лишь седина, украшавшая виски, выдавала его истинный возраст. Он всегда убирал волосы в крепкий пучок на макушке, а когда читал, то непременно надевал очки. За последние несколько лет зрение у отца стало сильно портиться, и потому пришлось обзавестись очками – этим чудесным изобретением из Глэндри, которое помогло многим тейсэнцам вновь увидеть мир так, как должно, во всей его полноте.

В усадьбе Хаяси отец всегда просыпался позже всех. Ложился он тоже последним: руководить целым синдикатом якудза, влияние которого во всей провинции возрастало с каждым годом, было делом нелёгким. Отца часто не бывало дома: чтобы держать «свою небольшую империю» под контролем, Итиро Хаяси приходилось разъезжать по всей провинции Тосан и самолично отслеживать, как шли дела в наиболее прибыльных для клана игорных домах и борделях.

Перед Обоном дел у отца было так же много, как и перед Новым годом, и накануне праздников застать его в усадьбе было практически невозможно. Но в этом году, похоже, что-то изменилось. До Обона оставалось меньше недели, а отец, похоже, никуда не собирался.

За годы наблюдений за отцом Уми научилась определять, когда он готовился к отъезду. Самым ярким показателем того, что Итиро Хаяси собирался остаться дома, были письма. Чем больше запечатанных конвертов лежало на письменном столе отца, тем меньше была вероятность, что в ближайшие пару дней он куда-то уедет. Отец всегда прочитывал все письма сам, не допуская к этому делу даже своих помощников.

«Если я отдам на откуп остальным слишком много, то моё главенство над кланом Аосаки долго не продлится», – часто любил повторять отец, когда Уми раз за разом предлагала ему свою помощь.

Уехать и оставить хотя бы одно письмо без ответа отец попросту не мог. Поэтому, когда Уми увидела бардак на столе отца, она почувствовала облегчение. Пока он оставался дома, ей всегда было как-то спокойнее.

Отец редко вызывал её к себе, и потому Уми терялась в догадках, что же ему могло от неё понадобиться – особенно теперь, когда он был так занят работой. Судя по пустым тарелкам, которые стояли на подносе возле письменного стола, отец даже позавтракал прямо у себя в кабинете, чтобы не терять даром ни минуты.

– Пока ты спала, Ёсио заходил, – проговорил отец, беря в руки очередное письмо. Он бегло проглядел его и, хмыкнув, снова поднял глаза на Уми.

Она сидела чуть в стороне от стола и смотрела на татами, по которым полз маленький жучок с блестящим панцирем. С виду Уми казалась спокойной, но на деле в голове её крутилось множество мыслей. Зачем Ёсио приходил в усадьбу в такую рань? Неужели, помимо ведения игорного дома, у них с отцом были ещё какие-то дела?

Долго, впрочем, размышлять ей не пришлось: отложив письмо, отец продолжил:

– Он рассказал мне о том, что произошло сегодня под утро в игорном доме.

Уми похолодела. Ну кто, кто тянул Ёсио за язык?

– Этот Косой Эйкити, – неумолимо продолжал отец, – из-за чего вы с ним повздорили?

Итиро Хаяси не любил, когда ему ввали. К тому же Уми не знала, что именно рассказал отцу Ёсио, и потому решила говорить как есть.

– Он мухлевал. И в этом ему помогал ёкай.

Глаза отца расширились от изумления. Он знал о том, что его дочь могла видеть духов. Но Уми до сих пор не была до конца уверена в том, что отец верил во все рассказы об О-Кин и прочих ёкаях, с которыми ей доводилось сталкиваться. Но в открытую он никогда не сомневался в её словах, за что Уми была ему благодарна.

– Хм-м, вот ведь зараза, – проворчал отец. – И что прикажете делать с этим жульём, раз они теперь заручились помощью ёкаев? Приглашать на каждую смену канниси из ближайшего святилища, чтобы он своими молитвами отпугивал нечисть?

Уми не сумела сдержать улыбку. Шутил отец только в том случае, когда находился в хорошем расположении духа. В последнее время это случалось всё реже, и потому Уми радовалась про себя этой неожиданной, но приятной перемене.

– Думаю, пока одной меня будет достаточно, чтобы следить за духами, – в тон ему ответила Уми.

Но отец покачал головой.

– Эта смена в «Тануки» была для тебя последней.

– Что? – Уми не могла поверить в услышанное. – Но...

– И это не потому, что меня не устраивало, как ты работаешь, – продолжал отец. – Дело в другом. С сегодняшнего дня у тебя начинаются смотрины.

Уми почувствовала, как неприятный холодок заструился между лопаток. Она знала, что рано или поздно это должно было случиться. Всё-таки совсем скоро ей исполнится двадцать лет, что в империи Тейсэн считалось совершеннолетием и самым подходящим возрастом для вступления в брак. Но всё же Уми отчего-то хотелось верить, что отец будет настолько погружен в другие дела клана, что вопрос о её замужестве будет отложен до лучших времён.

Как она была наивна! Отец никогда не забывал о том, что связано с ней, – и в особенности если это могло сослужить пользу всему клану. В конце концов, она была единственной дочерью главы Аосаки-кай, и, разумеется, отец рассчитывал подыскать ей хорошую партию.

Уми не сумела сдержать тяжёлого вздоха, и отец постарался приободрить её:

– Все женихи, которых я подыскал для тебя, исключительно прекрасные молодые люди. Кого бы ты ни выбрала, брак с ним послужит к чести нашего клана.

Уми с горечью усмехнулась. Будь у неё выбор, она продолжила бы работать в игорном доме – до тех пор, пока крепче не встанет на ноги и не добьётся того признания, которого, она нисколько не сомневалась, была достойна.

– Первые смотрины назначены уже на сегодня, в час Обезьяны⁸, – тем временем продолжал отец, не подозревая, какие мысли одолевали дочь.

Уми заметила на его лице тень облегчения: наверняка он готовился к более бурной реакции на известие о замужестве. Но при отце Уми никогда не давала волю чувствам. Не собиравшись она изменять своей привычке и теперь, хотя известие о смотрах, за которыми должно было последовать скорое замужество, окончательно огорошило Уми.

С другой стороны, если ей не удастся избавиться от проклятия, то брак наверняка перестанет казаться самым страшным и неминуемым событием в жизни. Разве может быть что-то страшнее скоропостижной смерти?..

От безрадостных раздумий Уми отвлёк голос отца.

– У меня есть для тебя ещё кое-что.

Итиро достал из ящика стола небольшой свёрток. Он протянул его Уми, и та взяла его, теряясь в догадках, что же может быть внутри.

– Открой его, если не терпится, – краешком губ улыбнулся отец.

Уми смущённо потупила взгляд – всё-таки отец слишком хорошо её знал, – и принялась рассматривать свёрток. Он был лёгкий и маленький, едва ли больше её кулака. Уми покрутила свёрток в руках – внутри что-то еле слышно звякнуло. Потянув за конец тесёмки, Уми развязала её и осторожно развернула тряпицу.

В свёртке оказалась лакированная шкатулка, украшенная резным орнаментом из бамбуковых листьев. Никаких ручек или видимых крючочков, за которые можно было бы ухватиться и открыть шкатулку, Уми не увидела. Глаза её загорелись от восторга – шкатулки с секретом она очень любила. Отец, зная об этом пристрастии дочери, часто привозил ей подобные милые безделицы. Над одной шкатулкой Уми как-то корпела не один день, прежде чем сумела открыть её.

Вот и теперь Уми с интересом склонилась над шкатулкой. Повертев её в руках и попытавшись сдвинуть стенки, Уми поставила шкатулку на стол и принялась рассматривать узор на крышке. Среди острых листьев бамбука Уми увидела маленькую бабочку. Хрупкая и нежная, Уми поначалу и не заметила её. Она провела пальцем по бабочке и почувствовала под ней выпуклость. Это могла быть и краска, нанесённая особым образом, чтобы придать бабочке объём. Но Уми больше склонялась к тому, что то была часть механизма, открывающего шкатулку.

Уми осторожно нажала пальцем на бабочку, и крышка шкатулки с тихим шорохом немного сдвинулась в сторону.

– Ну и ну! – восхитился отец и расхохотался. – Я полдня ломал голову над тем, как открыть эту шкатулку, а тебе и пяти минут хватило, чтобы разгадать её секрет!

Польщённая похвалой отца, Уми отодвинула крышку. Глаза её расширились от изумления. Внутри шкатулочки лежала золотая шпилька-кандзаси на двух ножках. Сверху её украшал шарик из коралла, на котором с необычайным мастерством были вырезаны цветы сливы, летящие на ветру.

– Эта кандзаси украшала волосы твоей матери в день нашей свадьбы. Она как-то говорила мне, что этой вещице уже не одна сотня лет и что она передавалась в её семье из поколения в поколение, – проговорил отец. – Не знаю, так ли это на самом деле или Миёри просто сочинила красивую легенду о древней семейной реликвии... Как бы то ни было, я уверен, она очень хотела, чтобы ты тоже её надела, когда будешь выходить замуж.

⁸ Примерно 4 часа дня.

Уми не осмелилась взять в руки шпильку. Вещей, принадлежавших матери, в усадьбе Хаяси осталось совсем немного, и Уми предпочла бы, чтобы от них избавились совсем – как поступают с вещами, принадлежавшими покойнику. После смерти близкого человека родственники всегда старались поскорее раздать или сжечь такие вещи, чтобы они не оставались в доме, напоминая о том, чего уже было не вернуть.

Для Уми мать всё равно что умерла в тот злополучный день, почти четырнадцать лет назад, когда она ушла из дома. Ушла, чтобы никогда больше не вернуться.

Уми чувствовала, что отец смотрит на неё, и потому крепко сжала челюсти, чтобы не сказать лишнего. Она прекрасно знала: после того, как мать бросила их, у отца были другие женщины. Но Уми догадывалась, что Итиро Хаяси до сих пор любил свою первую и единственную жену и что он всё ещё тосковал по ней, как порой тосковала и она.

Если бы на то была воля Уми, она без всякой жалости вырезала бы из себя все воспоминания детства, связанные с матерью, уничтожила бы любое напоминание о том, что она когда-то вообще существовала в её жизни. Многие события детства и впрямь изгладились из её памяти, но кое-что всё-таки осталось. Вот Миори в светлом кимоно склонила голову перед домашним алтарём – точно так же делала и Уми каждое утро, день ото дня. А в прошлом году, когда Уми простыла и всю ночь промучилась от жара, ей почудился слабый голос матери, которая тихонько напевала ей колыбельную...

К горлу подступил комок невысказанной горечи. Уми понимала, что надо поблагодарить отца или хотя бы сказать ему что-то, но не могла произнести ни слова.

От дальнейшей неловкости их спас шорох раздвижных дверей. В кабинет отца заглянул один из братьев, дежуривших у ворот усадьбы.

– Оябун, – он низко поклонился отцу и доложил, не разгибая спины: – Там пришёл какой-то парень – говорит, что хочет наняться к нам на работу.

Отец нахмурился.

– Я занят. Пускай приходит завтра.

– Но он говорит, что у него есть рекомендация от бабушки Абэ.

Тут на новоприбывшего уставилась и Уми. Она увидела свой шанс избежать продолжения неловкой беседы о матери, и потому обратилась к отцу:

– Позвольте мне поговорить с этим человеком. Если из него выйдет какой-то толк, я вам об этом скажу, и завтра вы сами с ним побеседуете. А если нет, то вам и время на него тратить не придётся.

Поразмыслив немного, отец кивнул и проговорил:

– Хорошо. Но учти: если ты всё же решишь нанять этого человека, он будет под твоей личной ответственностью.

Глава 6. Горо

Горо Ямада уже неделю обивал пороги в Ганрю, но никто не хотел брать его на работу.

Видит Дракон, Горо даже снова готов был пойти в вышибалы, лишь бы раздобыть хоть какие-то деньги, чтобы заплатить за жильё. Он и так уже больше чем на несколько дней задерживал оплату комнаты. Управляющий доходного дома, мимо которого Горо проходил всякий раз, как отправлялся на поиски работы, с неодобрением косился на него и с кислой миной выслушивал очередные унижительные оправдания, почему и сегодня денег за комнату он не увидит.

Сегодня Горо решил попытать счастья в портовом квартале – в конце концов, силой он не был обделён, да и сложением отличался крепким, так что можно и грузчиком наняться. Чем не работа? Ничуть не хуже любой другой. Горо родился и вырос в маленькой горной деревушке и потому сизмальства был привычен к тяжёлому труду.

Несмотря на то что он почти три года жил попеременно то в Хикóси, то в Цуяме – а теперь вот добрался и до Ганрю, – к вечной суете и неумолчному гулу больших городов Горо так и не сумел привыкнуть. Он скучал по тишине и спокойствию гор, которые не терпели суеты. Решишь взобраться по тропе быстрее, чем следовало, – упадёшь и раздерёшь себе все ладони, если совсем не убьёшься. Не сумеешь вовремя прочитать по облакам перемену погоды – попадёшь под холодный ливень и будешь потом с месяц чихать и надсадно кашлять, словно вот-вот отойдёшь в Страну Корней.

Окружённые горами со всех сторон, жители Ганрю не знали, как уживаться со своими исполинскими соседями. Они не умели предсказывать землетрясения, наблюдая за повадками животных. Не могли уберечься от лавин и оползней, которые с завидной регулярностью разрушали горные дороги и почти полностью отрезали город от остального мира.

Одну лишь реку они понимали – и то потому, что Ито была их кормилицей и единственной дорогой, которая не подводила никогда. Даже зимой воды Ито не покрывались льдом: настолько быстрой и холодной она была, и потому лодки могли круглый год ходить аж до самой столицы...

Подобные мысли одолевали Горо постоянно. Ностальгия по жизни в горах сменялась нарастающей паникой от того, что он до сих пор не мог найти работу. Горо даже ходил в святилище и долго молился Великому Дракону, чтобы тот одарил его своей милостью. Но то ли молитвы доходили до Владыки Восточных Земель слишком долго, то ли сам Горо чем-то ненароком прогневил Дракона – несчастья даже и не думали заканчиваться. Казалось, их день ото дня становилось только больше.

Всё началось с самого отъезда из Цуямы. Сначала его кинул возница, с которым Горо договорился доехать до предместий провинции Тосан. И дёрнули же демоны заплатить этому негодяю вперёд! Потом на одном из постоянных дворов кто-то утащил один из кошелёв. Хвала Владыке, Горо никогда не держал все отложенные впрок деньги в одном месте. Но потеря кошелька всё равно серьёзно сказалась на всех его планах. Он-то рассчитывал приехать в Ганрю и уже отсюда спокойно уйти в горы – лишь эта мысль грела сердце Горо и не давала ему окончательно упасть духом.

Но накопленные деньги таяли быстро, и не успел Горо оглянуться, как уже погряз в долгах.

Конечно, он мог бы просто взять и сбежать – и никто бы не погнался за ним по неизведанным горным тропам. Но позже Горо непременно начала бы мучить совесть. Не пристало монаху, пускай и находившемуся в изгнании, вести себя как наглому разбойнику. Поэтому Горо стойко переживал все превратности судьбы и продолжал надеяться, что рано или поздно ему всё-таки улыбнётся удача.

* * *

Однако сегодняшний день, похоже, обещал быть ничем не лучше прочих. Побродив по докам и побеседовав с бригадирами, которые нанимали работников, Горо слышал один и тот же ответ: «Прости, братец, но мы уже набрали всех, кого надо».

Последний бригадир, с которым побеседовал Горо, заметил, как поникли плечи монаха – так его огорчил очередной отказ. Он сжалился над ним и посоветовал:

– Ты сходи до «Толстого тануки» да там поспрашивай. Место хорошее, платят исправно. А ну как они сейчас ищут кого-нибудь? Из тебя вышел бы отличный вышибала – вон какой ты здоровенный!

Поблагодарив бригадира за помощь, Горо, следуя его указаниям, отправился на поиски нужного заведения. Медные кольца на навершии посоха мерно звенели в такт шагам. Этот звук всегда вселял в сердце Горо спокойствие и уверенность. Будучи ещё молодым послушником, Горо сам вырезал этот посох из священного дерева сакаки. А закалённые особым образом кольца появились на его навершии уже позже, когда мастерство Горо значительно возросло. Этот посох был дорог ему – он остался единственным напоминанием о том, что когда-то у Горо была другая жизнь.

Жизнь, возврата к которой уже не будет...

Добравшись почти до самых окраин портового квартала, Горо наконец увидел висевшую над входом в харчевню простую деревянную вывеску, на которой было написано «Толстый тануки». Тут же, совсем рядом, стояла небольшая статуя пузатого тануки, который опирался лапой на бочонок саке. Тёмные глазки зверька добродушно шурились из-под полей соломенной шляпы, и Горо на какой-то миг даже показалось, что они лукаво блеснули, стоило ему подойти ближе.

Горо ни разу не доводилось видеть этих удивительных зверей, но в обители монахи часто рассказывали забавные истории о проделках тануки. Они любили оборачиваться то закопчёнными чайниками, сбежавшими от монахов, стоило только разжечь огонь, то прекрасными девицами, которые смущали служителей Дракона сладкими речами, а потом уносились в лес, залиvisto хохоча. Нередко забирались тануки и в людские селения, принимая облики бродячих монахов или даже местных божков. Вдоволь потешившись над суеверными крестьянами, оборотни крали все съестное, что могли унести на себе, и сбежали.

Эта статуя вполне могла оказаться настоящим тануки, которому понравилось, что люди назвали в его честь целую харчевню, и потому решил задержаться здесь подольше.

Однако никакой живой силы от статуи Горо так и не учуял. Должно быть, блеском в глазах тануки оказалась всего лишь причудливая игра света.

Горо окинул взглядом простое двухэтажное строение. Судя по всему, «Толстый тануки» и впрямь был обычной харчевней. Зачем же сюда нанимали вышибал? Может, на втором этаже у них был обустроен бордель или игорная комната? Такое вполне возможно. Горо теперь трудно было чем-либо удивить. Ещё пару лет назад он постеснялся бы даже приближаться к подобным местам, но время, проведённое вдали от обители, закалило его. Горо научился закрывать глаза на многое и потому делал свою работу молча и беспрекословно – лишь бы за неё вовремя платили.

Зелёные занавеси в половину человеческого роста лениво колыхались на тёплом ветерке, словно приглашали гостя зайти внутрь и отдохнуть с дороги. Изнутри доносились оживлённые голоса, из чего Горо заключил, что заведение не бедствовало.

Он приподнял занавески и шагнул внутрь. После раскалённой духоты городских улиц харчевня встретила его приятной прохладой и полумраком. У противоположной от входа стены

располагалась стойка, где посетители расплачивались за еду, и Горо направился напрямик к ней.

За стойкой сидела плотная и бойкая старушка, голову которой покрывал цветастый платок. Лицо её было загорелым и морщинистым, как маринованная слива, а глубоко посаженные тёмные глаза лукаво блестели, когда старушка улыбалась.

Стоило ей завидеть Горо, как глаза старушки расширились от изумления. Он уже привык к тому, что люди дивились его росту и сложению, и потому давно перестал обращать на это внимание. Но в глазах старушки читалось столь искреннее изумление пополам с восхищением, что Горо стало совсем неловко.

– Проходи, сынок, не стесняйся, – с улыбкой обратилась к нему старушка, отчего возле глаз её пролегло ещё больше морщинок. – Чего тебе принести? У нас сегодня домашняя лапша на солёном бульоне, ты такой нигде в Ганрю больше не отыщешь!

– Прошу прощения. – Горо немного замялся, гадая, как же половчее расспросить старушку, чтобы не обидеть её отказом. – Мне сказали, что я могу поспрашивать здесь о работе...

Старушка с пониманием закивала.

– Да-да, мы в начале недели искали вышибалу. Но подходящего человека уже нашли.

И тут очередной отказ. Горо вдруг осознал, что даже не расстроился – настолько этот исход был ожидаем.

Он собирался было извиниться и уйти, но старушка вдруг вышла из-за стойки и легонько потянула его за рукав.

– Не торопись, сынок. Ты ведь ещё не попробовал нашей лапши!

Она усадила Горо за ближайший стол, а сама скрылась за занавесью из деревянных бусин, которая мелодично зазвенела. Не прошло и пары минут, как старушка вернулась и поставила на стол миску с исходявшей паром домашней лапшой.

– Вот, угощайся. За счёт заведения.

Горо разинул было рот, чтобы поблагодарить её и вежливо отказаться от такой щедрости, но с другого конца зала старушку окликнул кто-то из посетителей, и она поспешила к нему.

От лапши исходил просто божественный аромат. От голода у Горо свело живот: он уже и не помнил, когда в последний раз ел досыта. Посчитав, что отказываться от угощения в его положении всё же будет проявлением неуважения, Горо сложил ладони, прикрыл глаза и чуть склонил голову, возблагодарив Владыку за оказанную ему щедрость.

Лапша оказалась мягкой и сытной, а бульон – жирным и наваристым. Похожую лапшу делала только его бабушка Рэйко, да обретёт её душа покой в Стране Корней. Горо и подумать не мог, что однажды ему снова доведётся отведать чего-то похожего...

Он быстро утёр лицо рукавом, чтобы никто не заметил, как повлажнили глаза.

– Вижу, наша лапша всё-таки пришлась тебе по вкусу.

Старушка подошла к столу так тихо, что Горо не услышал её шагов. Она протянула руку за пустой миской и заговорщически подмигнула.

– Да, спасибо вам! Эта лапша напомнила мне о доме.

Старушка закивала, словно и впрямь поняла, что Горо имел в виду.

– Ну это же прекрасно! Будет повод заглянуть к нам ещё, не так ли? Мы в «Тануки» очень любим постоянных гостей.

Горо почувствовал угрызения совести и потянулся было к тощему кошельку, спрятанному в складках пояса. Но старушка увидела это и в шутку погрозила пальцем.

– Я же сказала, что не возьму с тебя денег. А Юна Абэ всегда держит своё слово, сынок, запомни это.

Не зная, куда девать глаза от охватившего его стыда, Горо низко поклонился старушке и снова принялся благодарить её.

– Ну что ты, что ты! – отмахнулась она. – Из «Тануки» никто и никогда не уходит голодным – даже те, у кого с деньгами туго.

– И всё же мне хотелось бы отплатить за вашу доброту, – проговорил Горо. – Может, я сумею чем-то помочь?

Старушка смерила его внимательным взглядом, словно о чём-то раздумывала.

– На самом деле есть у меня одно поручение, – призналась она, понизив голос.

Когда она поманила Горо за собой на кухню, он подумал, что старушке требуется перетаскать что-нибудь тяжёлое. В конце концов, на что ещё мог сгодиться такой здоровяк, как он?

Но каково же было удивление Горо, когда старушка усадила его рядом с большим пустым ведром и заставила... лущить горох!

– У самой всё никак руки не доходят, а у Сатбру и подавно, – принялась объяснять старушка, пока Горо пытался разместиться на небольшой кухоньке так, чтобы никому не мешать. С этими словами она кивнула в сторону мальчика, который помогал разносить заказы по залу. На вид ему было лет двенадцать, и одет он был хоть и бедно, но опрятно. Загорелое лицо Сатору блестело от пота: за всё время, что Горо наблюдал за мальчиком, тот ни разу не присел.

Горо заверил госпожу Абэ, что с такой работой он легко справится, и старушка, одарив его лучезарной улыбкой, скрылась в зале.

Прислонив посох к стене, Горо закатал рукава рубахи, уселся в самом дальнем углу кухни, у чёрного хода, и принялся за дело. Тучный повар, потевший над жаровней, то и дело с подозрением косился на Горо. Но тот сидел себе тихонько и не норовил стащить ничего из снеди, поэтому бдительный страж кухни вскоре успокоился и перестал обращать внимание на незваного гостя.

Молодые гороховые стручки приятно хрустели под пальцами, а сами горошины пахли сладостью и чем-то щемящим, что вновь напомнило Горо о его деревенском детстве. Он словно наяву увидел свою старенькую бабушку: во время работы в поле она всегда смешно повязывала платок у себя на голове и хитро косилась на Горо, ожидая, когда внук всё-таки не сдержится и захихикает в ладошку. От бабушки всегда исходил тёплый и горьковатый запах трав, и потому Горо на миг задержал дыхание, когда вдруг на маленькой кухоньке в харчевне, которая находилась за несколько сотен ри от его родной деревни, вдруг почудился до боли знакомый аромат...

Но то была всего лишь сушёная зелень, которую повар добавил к тушившемуся в котле мясу.

Горо постарался сдержать тяжёлый вздох. Со дня смерти бабушки прошло уже почти десять лет, а он так и не смирился с тем, что ему больше не доведётся увидеть её улыбку, выпить чаю из собранных ею трав или поделиться тем, что было на сердце. Бабушка всегда умела подобрать правильные слова для каждого человека, нуждавшегося в поддержке и помощи. Горо же за все годы учёбы в обители так и не научился этому на первый взгляд бесхитростному, но на деле такому непростому искусству понимать людей и от всей души сочувствовать им...

На кухню вбежал Сатору, прижимая к груди пустой поднос. Увидев незнакомое лицо, он от неожиданности подскочил, словно перепуганный зайчонок. Появление мальчика отвлекло Горо от печальных мыслей, он тепло улыбнулся Сатору и кивнул в знак приветствия. Помешкав немного, мальчик ответил ему коротким кивком и тут же отвёл глаза. Заставив поднос тарелками и доверху наполненными мисками, Сатору, слегка пошатываясь, побрёл обратно.

Горо провозился с горохом около часа. За всё это время пару раз на кухню заглядывала госпожа Абэ. Она по-доброму шурилась на Горо, перебрасываясь парой слов с поваром и снова скрывалась из виду. Сатору же, казалось, окончательно привык к присутствию Горо и даже перестал всякий раз вздрагивать, когда их взгляды случайно пересекались.

От углей в жаровне исходил мерный и ровный жар. Горо приходилось то и дело утирать вспотевший лоб рукавом рубахи. Толстый повар пыхтел чуть в стороне, за небольшой столешницей, где лепил рисовые колобки.

Сатору тем временем заставлял поднос кувшинчиками с холодным чаем. Мальчик так увлёкся работой, что вздрогнул от неожиданности, когда повар, стоявший прямо у него за спиной, оглушительно чихнул.

К несчастью, поднос, который мальчик держал в руках, разом перевернулся.

В тот момент Горо как раз поднял глаза от почти полного ведра лущёного гороха. Он успел увидеть, как вытянулось лицо повара и как побледнел Сатору, безуспешно пытаясь поймать в полёте хотя бы один кувшин. Но все усилия мальчика пошли прахом: оглушительный звон разбитых кувшинов потряс крохотную кухню «Толстого тануки», а сам Сатору оказался с ног до головы залит холодным чаем.

Но на этом беды не закончились. Содержимое одного из кувшинов пролилось прямо на жаровню, и залитые угли сердито зашипели. Глаза повара налились кровью: он зло зыркнул на мальчика и огрел того подносом, который тот до того держал в дрожавших руках.

– Посмотри, что ты наделал! – прошипел повар. – Все угли залил, бестолочь! Как я теперь готовить буду, скажи на милость?

Губы мальчика задрожали – похоже, он изо всех сил сдерживался, чтобы не расплакаться и ещё больше не разгневать повара.

В зале за стеной воцарилась тишина. Горо услышал торопливые шаги госпожи Абэ, и вскоре она показалась на пороге.

Стоило ей увидеть учинённый на кухне разгром, как её седые и тонкие брови взлетели так высоко, что скрылись под пёстрой косынкой. Но старушка не стала тратить время на охи и вздохи, а принялась раздавать указания:

– Сатору, не стой столбом и приberi тут всё. И ты, Фукуто, – кивнула она повару, – тоже возвращайся к работе, пока мы всех посетителей не растеряли.

– Я бы и рад, но сначала надо заменить угли, – проворчал повар.

– Так иди в дровяник, нечего попусту языком молоть, – поторопила его старушка.

Сатору выскочил из кухни первым, прихватив с собой стоявшее в углу ведро. За ним последовал и повар, который всё ещё что-то тихо ворчал себе под нос. Госпожа Абэ снова вернулась в зал и принялась успокаивать тревожно гудевших посетителей.

В воцарившейся суматохе, похоже, все совершенно забыли про Горо, что ему было только на руку. Убедившись, что ни повар, ни Сатору пока не собираются возвращаться, Горо склонился над почти потухшим очагом и провёл над ним широко раскрытой ладонью.

Не все угли оказались залиты чаем – в нескольких из них ещё теплились отголоски догорающего пламени. Горо ощутил, с какой жадной радостью огонь отозвался на его призыв, лаская ладонь теплом.

В обители послушников учили чувствовать окружающий мир и при необходимости обращаться к нему за помощью. В самом начале обучения колдун должен был избрать одну из пяти стихий, с которой ему удавалось установить самый крепкий контакт.

Огонь считался самой капризной и непокорной стихией, но почему-то именно с ним Горо удалось совладать. Именно шёпот огня он слышал отчётливее всего, когда пальцы щеколтало биение магии в крови. Горо пришлось приложить немало усилий, чтобы научиться взаимодействовать с огнём и держать его силу в узде. Но оно того стоило – благодаря огненному колдовству Горо не раз помогал братьям в обители.

Поможет он и теперь – совесть не позволит ему просто взять и уйти, оставив добрую хозяйку харчевни наедине с её бедой.

«Вспыхни!» – мысленно приказал огню Горо. По его жилам словно пустили раскалённое в горниле кузнеца пламя, а виски тут же пронзила боль, словно кто-то воткнул в голову две ледяные иглы.

Горо поморщился. Колдовство было делом непростым даже для того, кто учился этому много лет. Расплачиваться за творимые чудеса колдуну приходилось собственным здоровьем.

Головная боль была лишь малой частью уготованных страданий – чтобы не нарушать гармонию мира, за сотворение колдовства требовалось отдать что-то равноценное.

Огонь принял добровольную жертву Горо, и в тот же миг лёгкое и яркое пламя затанцевало на подмокших углях.

Лишь в тот момент, когда его отпустила резко нахлынувшая слабость, Горо почувствовал, что за его спиной кто-то стоял. Он обернулся и встретился взглядом с госпожой Абэ. Горо так и не понял, что выражал взгляд, которым старушка внимательно смерила его. Но страха и отвращения в нём точно не было, чему Горо втайне порадовался.

Однако радость его не продлилась долго. Он снова воспользовался своей силой при посторонних, а это означало только одно – ему ещё до заката стоит покинуть Ганрю, пока по его следам не пустили тайную полицию.

Горо не понаслышке знал, как боялись колдовства простые люди: некоторые из них хорошо помнили, как четверть века назад горела столица, объята колдовским пламенем. На лице женщины, которую он вытащил из горящей аптекарской лавки в Хикоси, и даже в глазах уличного заклинателя огня, чуть не устроившего пожар в торговых рядах в Цуяме, отражался такой суеверный ужас, словно не человек был перед ними, а самый настоящий демон. Огонь и впрямь не причинял Горо вреда, но страх и злоба людей, которым он от всего сердца старался помочь, даже не боясь того, что сила выдаст с головой и что придётся бросить только-только налаженную в новом городе жизнь и снова пуститься в бега, ранили его гораздо больше меча и пули.

После восстания клана Мейга колдуны были объявлены вне закона. Им запрещено было использовать магию – только священнослужители, которым иногда для совершения обрядов требовалось колдовать, оставались единственным исключением из этого запрета. С древних времён колдовство было окружено ореолом почтительности и уважения, но со времён смуты многое изменилось навсегда. Страх вытеснил из памяти людей всё то добро, что они когда-то видели от колдунов.

Горо ожидал, что страх отразится и на лице госпожи Абэ, но старушка была спокойна, словно ей уже не впервой доводилось видеть настоящее колдовство. Она подошла к очагу и с интересом посмотрела на зажжённый Горо огонь.

– Красивая у тебя сила, сынок, – произнесла она. – Признаться, ты нам очень помог.

Горо застыл на месте, не в силах поверить в услышанное. Неужели госпожа Абэ и впрямь поблагодарила его, а не осыпала бранью, не назвала проклятым колдовским отродьем и не бросилась бежать и звать на помощь?

Как бы то ни было, дальше испытывать судьбу Горо не намеревался. И потому он метнулся к стене, где всё так же стоял оставленный им посох, и собирался было выскочить из кухни, мимо старушки, но та снова успела ухватить его за рукав.

– Не спеши, – тон её был всё такой же ласковый, как и прежде, – лишь глаза изучающе смотрели на Горо снизу вверх из-под тонких старческих век. – Пойдём-ка, потолкуем маленько.

Старушка вывела его в небольшой внутренний дворик позади харчевни. В самом центре двора стоял колодец, откуда набирал воду Сатору. Тут же, неподалёку, молодая женщина стирала, то и дело утирая лоб предплечьем. Женщина постарше, которая развешивала бельё, что-то сердито говорила ей, и лицо прачки кривилось от досады. Толстого повара нигде видно не было.

Старушка медленно повела Горо прочь со двора, держа его под локоть, как своего дорогого и любимого внука. Женщины у колодца проводили их удивлёнными взглядами, а Сатору на прощание помахал Горо рукой. Тот не удержался и махнул в ответ.

– Что ж ты сразу не сказал, что колдовать умеешь? – вопрос огорошил Горо настолько, что он сначала мог лишь глупо моргать, уставившись на старушку.

– Так, э-э, об этом не принято кричать на каждом углу, – наконец ответил он, озадаченно почесав бритую макушку. С того дня, как его изгнали из обители, прошло уже три года, но Горо по привычке продолжал коротко стричь волосы.

– Можешь не бояться, я тебя не выдам. – Старушка ободряюще похлопала Горо по локтю – дальше она попросту не дотянулась бы. – Фукуто и Сатору наверняка догадаются, почему в очаге так быстро разгорелся огонь, но они тоже будут молчать, это я тебе обещаю.

Горо не ожидал такого участия в своей судьбе и потому окончательно растерялся.

– Вижу я, что парень ты хороший, так что подскажу, где найти работу, – как ни в чём не бывало продолжала старушка. Они уже вышли за ворота и теперь стояли в небольшом тупиковом проулке, который вёл на главную улицу портового квартала.

– Отправляйся в усадьбу Хаяси – прямо сейчас и иди, не откладывай! Скажи, что это я порекомендовала тебя и что ты готов взяться за любое дело, которое для тебя найдётся.

Горо смотрел на старушку во все глаза, не в силах поверить в свою удачу. Похоже, до Великого Дракона и впрямь дошли его молитвы.

– Спасибо, – поклонился он. – Вы мне очень помогли.

– Благодарить меня потом будешь, как получишь работу. – В глазах старушки заплескали хитрые огоньки. Горо растерялся ещё сильнее: за словами госпожи Абэ явно крылось что-то ещё, но он пока не мог сообразить, что именно.

Горо всё ещё не очень хорошо знал Ганрю и боялся напрасно потерять время в поисках усадьбы, про которую ему сказала госпожа Абэ. Но разузнать у старушки побольше Горо так и не успел. Из ворот выглянула женщина, которая до того развешивала бельё.

– Бабушка Абэ, ну где вы там? Вас уже все обыскались!

– Иду-иду!

Старушка засуетилась и, торопливо распрощавшись с Горо, скрылась за воротами. Только теперь, оставшись в одиночестве, он сумел выдохнуть. Но всё же радоваться пока было рано: неизвестно, кому принадлежала усадьба Хаяси. Вдруг госпожа Абэ направила его прямо в лапы тайной полиции? Горо не хотелось даже думать о том, что старушка его обманула и что её благодарность была неискренней. Но собственный горький опыт научил его, что не стоит вот так сразу доверять незнакомым людям.

Поэтому прежде Горо решил поспрашивать по округе – вдруг кто-то сможет рассказать ему побольше о владельце усадьбы Хаяси?

Долго ему искать не пришлось. Первый же встреченный мужичок с готовностью объяснил Горо, как найти усадьбу Хаяси:

– Тебе нужно на Отмель. Ищи ворота с гербом, на которых изображён дракон, летящий над рекой и трёхглавой горой.

Мужичок собрался было отправиться дальше, но Горо задержал его:

– Погоди-ка. Ты знаешь, кто такой господин Хаяси и чем он занимается?

Глаза мужичка расширились от изумления.

– Не понял, это что, шутка такая? – нахмурился он. – Ты мне это брось, брат. Не знать, кто такой Итиро Хаяси, ну и ну!

Покачав головой и что-то бормоча себе под нос, мужичок поспешил прочь. Горо не понравилось, как он посмотрел на него: подозрительность во взгляде мужичка смешивалась с какой-то затаённой жалостью.

Похоже, этот господин Хаяси был в Ганрю довольно известной личностью. К тому же он жил в одном из самых богатых кварталов города – даже будучи приезжим, Горо много слышали об Отмели. Лучший рыбный рынок, куда раньше всего доставляли свежайший улов. Лучшие аптеки и мастерские по пошиву кимоно. Лучшие питейные заведения, где подавали самое дорогое вино во всей Восточной провинции...

Всё это – Отмель. Неужели Великий Дракон настолько одарил его своей милостью, что Горо будет работать в одном из богатейших домов Ганрю?

Но взгляд мужичка, брошенный напоследок, по-прежнему не давал ему покоя. Горо терялся в догадках, что он мог означать. Похоже, дела с этим господином Хаяси обстояли не так-то просто. Однако особенно выбирать не приходилось: Горо нужна была работа, и он готов был взяться за любое дело. И потому он зашагал в сторону Отмели, решив, что со всеми неурядицами будет разбираться на месте. Кто знает, вдруг он ещё не до конца исчерпал дарованную Владыкой удачу?

Несколько позже из размышлений его вырвали возгласы возбуждённо гомонившей толпы, которая собралась прямо за мостом. Подойдя ближе, Горо вытянул шею, чтобы посмотреть, из-за чего поднялось столько шума. Глазам его предстал обгоревший остов небольшого здания. Судя по тому, что рядом росло священное дерево сакаки, то было святилище.

Вдруг кольца на посохе тревожно зазвенели, хотя Горо стоял на месте, а ветер стих. Бежавшая по жилам сила словно отозвалась на что-то, и Горо задержался у пепелища. Если до этого у него ещё оставались сомнения, то теперь, когда ки проявила себя, они отпали окончательно.

В случившемся здесь несчастье был замешан колдун.

Каждое заклинание оставляло незримые следы, которые могли ощутить только другие колдуны или же ёкаи, – Горо слышал, что духи были особенно чувствительны к людской магии. Сам же он описал бы подобные остаточные следы как неприятное предчувствие, которое иногда охватывало перед надвигающейся грозой или резкой сменой погоды. Если колдовство было особенно сильным, то даже по прошествии времени на том месте могли витать синеватые отголоски силы, которая медленно растворялась в воздухе и воде, впитывалась в землю или пожиралась огнём.

Горо насторожился. От собратьев по силе он предпочитал держаться подальше. Ни к чему им было знать, у кого и где он учился, – обитель была тайным местом, и лишь посвящённые могли отыскать к ней дорогу. Горо изгнали, взяв слово, что он никогда не раскроет чужакам местонахождение обители. И тайну эту Горо собирался унести с собой в Страну Корней.

Миновав столпотворение у пожарища, Горо поспешил вглубь квартала, чтобы поскорее найти дом с гербом на воротах. Чем скорее он доберётся до усадьбы Хаяси, тем быстрее решится его судьба.

Вскоре Горо уже стоял перед высокими воротами с гербом, на котором дракон причудливо извивался над трёхглавой горой, словно повторяя прихотливые изгибы русла реки. Сомнений не было: он добрался до усадьбы Хаяси.

Горо трижды постучал в ворота, и одна из створок чуть приоткрылась. На него уставился совсем ещё молодой парнишка с пухлыми щеками и глубоко посаженными глазами. Стоило парнишке завидеть Горо, как рука его сама потянулась к мечу, висевшему на поясе.

– Добрый день, – кивнул ему Горо, постаравшись придать своему лицу самое доброжелательное выражение. – Это усадьба Хаяси?

Парнишка кивнул, всё ещё не сводя с Горо подозрительного взгляда.

– Я хотел бы поговорить с господином Итиро Хаяси, если это возможно, – продолжал Горо.

– Он очень занят сегодня, – голос у парнишки оказался выше, чем ожидал Горо.

– Тогда могу я поговорить с кем-то другим? Видите ли, госпожа Юна Абэ сказала, что я могу поспрашивать тут о работе.

Лицо парнишки просветлело – похоже, имя старушки ему было знакомо.

– Что ж вы сразу не сказали, что пришли от бабушки Абэ? – Он распахнул створку ворот чуть шире. – Заходите и ждите меня тут, а я пока пойду узнаю, смогут ли вас принять.

Горо протиснулся во двор, и ворота за ним тут же закрыл второй охранник. Это был крепкий мужичок бывалого вида с помятым и хмурым лицом. Пока Горо терпеливо дожидался возвращения парнишки, мужичок стоял рядом и громко шмыгал носом. Похоже, присутствие постороннего на внутреннем дворе нисколько не радовало охранника, но Горо было не до него. Ему никогда прежде не доводилось видеть столь богатого дома, и потому он только и успевал, что вертеть головой во все стороны, любуясь аллеей из клёнов и небольшой частью ухоженного сада, которая была видна от подъездной дороги.

Наконец на пороге усадьбы показался парнишка. Он подозвал к себе Горо, и тот, провожаемый недовольным взглядом бывалого мужичка, на негнущихся ногах направился к дому. Уверенность в том, что ему всё-таки улыбнулась удача, начала потихоньку таять с каждым шагом, который приближал его к усадьбе. Разве в такой богатый дом возьмут простого человека с улицы?

– Вас примет молодая госпожа Хаяси, – проговорил парнишка, понизив голос. – Она уже дожидается вас в чайной. Но сначала мне надо вас обыскать – если вы не член клана, то должны сдать оружие.

Что же это за клан такой, где все даже в доме не расстаются с мечами? Неужто знатные самураи? Горо ни разу не приходилось сталкиваться с воинами, и потому он оробел ещё больше. Он не знал, как следует себя вести в присутствии таких людей, что им можно говорить, а что – нет.

С другой стороны, деваться ему было всё равно некуда. Даже если его выгонят отсюда, хуже от этого точно не станет.

Кроме посоха у Горо при себе не было ничего, что могло бы сойти за оружие. Осмотрев посох со всех сторон и вдоволь побренчав медными кольцами, парнишка всё же велел оставить его в прихожей.

– Не волнуйтесь, никто его не заберёт, – заверил он. – У нас с этим строго.

В доме было заметно прохладнее, чем на улице. Разувшись в прихожей, Горо поспешил за парнишкой вглубь узенького коридора, по обеим сторонам которого тянулись наглухо закрытые раздвижные двери. Добравшись до самой дальней из них, парнишка приоткрыл её и заглянул внутрь.

– Молодая госпожа Хаяси, я привёл, э-э...

Обернувшись, он озадаченно уставился на Горо и спросил:

– Кстати, а как вас зовут?

В комнате послышались чьи-то тихие шаги, и в следующий миг раздвижные двери настежь раскрылись. На пороге комнаты стояла девушка – да такая высокая, что, пожалуй, могла заглянуть Горо прямо в глаза, всего лишь приподняв голову.

Он невольно засмотрелся на неё. Если бы не властный изгиб губ, придававший лицу девушки некоторую надменность, то её можно было бы назвать редкостной красавицей. Прямой с небольшой горбинкой нос, густые и длинные, как вороновы крылья, брови, большие тёмные глаза, которые изучающе смотрели на него...

Осознав, что задержал взгляд на молодой госпоже Хаяси неприлично долго, Горо поспешил отвести глаза.

– Спасибо, Кавагути, дальше я разберусь сама, – тем временем проговорила она, обращаясь к парнишке. Голос у неё оказался бархатный и глубокий, словно журчание горного ключа, бьющего прямо из скалы.

Кавагути почтительно поклонился и скрылся в коридоре, из которого они с Горо только что пришли.

– Так как же вас всё-таки зовут? – теперь всё внимание молодой госпожи Хаяси было приковано к Горо, отчего он почувствовал себя совсем неловко. – Или мне вас называть «молодой протеже бабушки Абэ»?

Губы девушки дрогнули, словно ей едва удалось сдержать улыбку. Но Горо не разделял её веселья. В конце концов, он пришёл сюда искать работу, и ему было не до шуток.

– Это ни к чему. Меня зовут Горо Ямада, – проговорил он, радуясь, что его голос не дрогнул и не выдал охватившего его смутения.

– Что же, проходите, господин Ямада. – Она отвернулась и прошла вглубь комнаты, к небольшому низенькому столику.

Горо уселся напротив неё, положив руки на колени. В комнате витал какой-то странный дух, словно отголоски застарелого колдовства. Возможно, в этом доме обитали сильные ёкаи.

– Простите, что побеспокоил вас. – Горо почтительно наклонил голову. – Мне сказали, что в усадьбе Хаяси я смогу получить работу.

– Толковые люди нам всегда нужны, – последовал ответ. – Расскажите, что вы умеете и где раньше работали.

– Да много где. Четыре недели проработал вышибалой в одном из игорных домов Цуямы. А всё прошлое лето помогал одной зажиточной крестьянской семье на рисовых полях. Вообще могу любую тяжёлую работу выполнять: перетащить там чего...

– А драться умеете?

– Постоять за себя могу, если речь идёт об этом, – уклончиво ответил Горо. – Но оружием не пользуюсь – только посохом.

Глаза молодой госпожи Хаяси расширились от изумления.

– Посохом, значит. И ни меч, ни револьвер вы даже в руках ни разу не держали?

Горо покачал головой. Девушка нахмурилась.

– Скажите, вы вообще знаете, куда пришли?

– В усадьбу Хаяси, по рекомендации госпожи Юны Абэ.

– А чем мы здесь занимаемся, она вам не сказала?

– Нет...

Молодая госпожа Хаяси вдруг расхохоталась. Она облокотилась на столик, и рукав её рубахи чуть сполз, обнажив предплечье, на котором был вытатуирован осклизший дракон в окружении кленовых листьев.

– Мы – якудза, – всё ещё улыбаясь, проговорила она, и в её тёмных глазах появился какой-то нехороший блеск. – И если вы, господин Ямада, не готовы взять в руки оружие, чтобы способствовать процветанию клана Аосаки, то нам с вами не по пути.

Теперь до Горо дошло, почему в обычную с виду харчевню вроде «Толстого тануки» нанимали вышибал. И почему возле ворот усадьбы Хаяси стояла вооружённая охрана. Даже значение взгляда прохожего, который объяснял Горо, как найти усадьбу, теперь открылось ему во всей полноте.

«Соглашайся на любую работу, которую они тебе предложат», – вспомнились Горо слова госпожи Абэ. Какую работу могли предложить якудза? Наверняка попросят или поколотить кого-нибудь за долги, или же вовсе утопить бедолагу на дне реки...

Хотя Горо уже три года как был изгнан из обители, он не собирался нарушать главнейший из обетов, который принёс, будучи ещё юным послушником.

«Да не поднимется рука моя ни на человека, ни на доброго духа, ибо все мы – братья по силе...»

Молодая госпожа Хаяси продолжала внимательно смотреть на него, ожидая ответа, и Горо решил.

– Я не могу на такое пойти. – Он снова поклонился и встал, намереваясь уйти. – Простите, что отнял ваше время.

Но не успел он сделать и шагу в сторону дверей, как вдруг из дальнего угла комнаты раздался чей-то недовольный голос:

– *Зачем же ты так жестоко обошлась с ним, Уми? Ты только посмотри, какой красавчик, – на твоём месте О-Кин оставила бы его при себе, просто чтобы услаждать взор!*

Никто и никогда не говорил таких вещей о Горо, и потому он тут же уставился в ту сторону, откуда доносился голос. Возле ниши в стене, где стояла небольшая курильница, сидела девочка лет шести. Но её невинный внешний облик не обманул Горо – он сразу почувствовал, что перед ним – дух, и притом очень могущественный.

Уми Хаяси тоже смотрела на девочку во все глаза, вот только в её взгляде читалось не изумление вперемешку со смущением, как у Горо, а самый настоящий гнев.

– *О, красавчик, похоже, слышал слова О-Кин,* – как ни в чём не бывало продолжала ёкай, встретившись взглядом с Горо. – *А ты не так прост!*

Она хихикнула и кокетливо подмигнула ему, чем окончательно огорошила. Как много эта ёкай поняла о нём? Как много сумела учуять?

– Вы что, правда можете видеть её? – в тихом голосе Уми Хаяси не осталось ни следа недавнего высокомерного веселья. Она смотрела на Горо так, словно впервые увидела.

Он кивнул. У него не было причин скрывать очевидное.

– Невероятно. – Уми Хаяси покачала головой, словно пыталась отогнать от себя наваждение. – За столько лет... Вы первый, кто может видеть то же, что и я.

Горо внимательнее присмотрелся к своей собеседнице. Если бы Уми Хаяси была колдуньей, он уже почувствовал бы это. Ки всегда проявляла себя и не таилась от тех, кому хотя бы раз доводилось ощущать её живое биение.

Но для Горо всё ещё оставалось загадкой, как Уми Хаяси могла видеть ёкай. Значило ли это, что какая-то предрасположенность к овладению магией у неё всё же была? Сейчас мудрый совет учителя Гёки оказался бы как нельзя кстати. Уж он-то сумел бы сказать наверняка...

Но душа учителя уже давно обрела покой в Стране Корней. И потому искать ответы Горо предстояло самому.

Он снова уселся за низенький столик и спросил:

– Давно вы начали видеть духов?

– С самого детства, сколько себя помню. О-Кин, наша дзасики-вараси, была первой, с кем я познакомилась. – И Уми Хаяси кивнула в сторону ёкай, которая, увидев, что Горо снова на неё посмотрел, вся зарумянилась и прикрыла лицо круглым веером.

– *Если ты собираешься учить Уми магии, то знай, что О-Кин тебе её так просто не отдаст.* – Тёмные глазки ёкай хитро сверкнули над веером. – *Она уже пострадала от колдунов, так что хватит с неё вашего брата.*

– О-Кин, ну кто тебя вечно тянет за язык? – Уми Хаяси стукнула кулаком по столу и поморщилась, словно от боли, хотя удар вышел не таким уж и сильным.

– *Ну и глупая же ты!* – всё не унималась ёкай. – *Наш красавчик же тоже колдун, вдруг он сумеет помочь тебе снять проклятие?*

Горо застыл, не в силах вымолвить ни слова. Во второй раз за этот день его тайна оказалась раскрыта, а он даже ничего не смог сказать в своё оправдание.

На лице Уми Хаяси отразилась целая буря чувств: от недоверия и изумления до надежды.

– Это правда? Вы в самом деле можете колдовать?

Горо покосился в сторону О-Кин: на лице ёкай расцвела улыбка. Похоже, она откровенно наслаждалась происходящим.

– Да, но вам бояться нечего, – наконец заговорил он. – Я дал клятву своему учителю, что не причиню вреда людям...

Осознав, что ненароком сболтнул лишнего, Горо тут же поспешил сменить тему:

– Расскажите лучше, о каком проклятии идёт речь. Быть может, я и впрямь смогу вам чем-то помочь.

– Я узнала об этом только сегодня утром, – начала она, зажав под рукавом правое предплечье. По-видимому, след проклятья отразился именно на руке.

– Могу я взглянуть?

Уми Хаяси так крепко сжала ткань рукава, что на тыльной стороне ладони вздулась голубая жилка. О-Кин как-то незаметно оказалась рядом и теперь мягко поглаживала её по плечу.

По-видимому, придя к какому-то решению, Уми Хаяси кивнула и задрала рукав до локтя. Горо наклонился к ней через стол, чтобы получше рассмотреть багровую отметину странной формы, которая больше напоминала смазанное тавро. Он слегка дотронулся пальцем до повреждённой кожи и тут же отдёргнул его, поморщившись от боли. Через него будто пропустили докрасна раскалённую нить из железа, и ощущение это было отвратительным. Никогда прежде ему не доводилось испытывать ничего подобного, и Горо был абсолютно уверен в том, что повторять этот опыт ему не захочется.

Похоже, Уми Хаяси тоже почувствовала боль, потому как глаза её стали блестеть чуть ярче, словно она едва сдерживала слёзы. Извинившись, Горо снова склонился над проклятой меткой и принялся вглядываться в хитросплетения заклęcia, уже не касаясь его.

Своими глазами Горо видел такое сильное проклятие впервые. Ему вдруг вспомнились слова учителя Гёки: как-то он рассказывал, что некоторые колдуны-отступники научились вплетать в заклęcia собственную кровь, чтобы усилить действие чар.

Похоже, это проклятие было как раз из таких.

Метка чуть пульсировала, словно вторя биению сердца Уми Хаяси. Пока что Горо понятия не имел, что с этим делать. Но отступать он не намеревался. В конце концов Горо странствовал по всей империи, а не отсиживался в горах, потому что всегда хотел помогать людям.

– Расскажите, что произошло, – попросил он. – И, даю слово, я постараюсь сделать для вас всё, что в моих силах.

Дайсин. 25 лет назад

Основные силы мятежников прорвались в столицу ночью, со стороны моря. Атака была тщательно спланирована: пособники мятежников в столице начали громить лавки, и потому городская стража и небольшой портовый гарнизон оказались оторваны друг от друга. Ко всему прочему, вооружены нападавшие были не в пример лучше: что сможет противопоставить простой тейсэнский меч ружьям, купленным на деньги примкнувших к клану Мейга предателей?

Когда стало ясно, что порт защитникам столицы отбить не удастся, они начали отступать в город. Последней линией обороны должен был оказаться дворец.

Но дожидаться того момента, когда бои начнутся у самых крепостных стен, было бы самым настоящим безумием. И потому, как только регент Исáо Сáкума понял, что удержать столицу не удастся, он тут же направил в покои принцессы Химикó одного из своих помощников с коротким посланием: «Столица вот-вот падёт. Вы должны бежать».

Шум сражения долетал даже до вершины холма, где стоял императорский дворец, и потому, когда принцесса получила известие от регента, с лица её мигом слетели остатки сонливости. Подозвав к себе служанку, она принялась в спешке собираться.

Как личный телохранитель её высочества Дзин Мидзогути тоже был в покоях принцессы. Раньше он служил её отцу, покойному императору Вахэю, и потому хорошо знал, какие во дворце были заведены порядки. Обычно охрана стояла снаружи: лицезреть принцессу в одном лишь нижнем одеянии дозволено было только её ближайшим прислужницам, а никак не телохранителю. Но со слугой, который принёс послание принцессе, регент передал приказ и для самого Дзина: глаз не спускать с принцессы.

Так что Дзину приходилось тактично отводить глаза, пока её высочество с помощью молодой служанки О-Саэ спешно переодевалась за расписанной журавлями ширмой. Дзин стоял на страже у дверей, прислушиваясь к каждому шороху, доносившемуся из коридора.

Пока что всё было спокойно: мятежники ещё не успели добраться до дворца, но дорога была каждая минута. После того как несколько дней назад войска генерала Обно были разбиты, а сам он захвачен в плен, у защитников столицы не осталось надежды. Островной князь, Юсаку Тайга, единокровный брат покойного императора, не отозвался на призыв столицы, не выслал свои войска на помощь. Как бы могли сейчас пригодиться их корабли – в сражениях на воде островитянам не было равных!

Должно быть, предательские речи клана Мейга смутили даже холодный рассудок князя Тайга, как то случилось со многими семьями и придворными, прежде лояльными императорскому роду. А может, гонец с письмом так и не добрался до места или примкнул к мятежникам: теперь нелегко было разобраться, кто до последнего вздоха будет прикрывать тебе спину во время боя, а кто при первой же возможности всадит под рёбра кинжал...

Не успело пройти и года с момента скоропостижной смерти императора Вахэя, как Тейсэн оказался расколот на два непримиримых лагеря. Одни поддерживали нововведения, начатые ещё покойным императором, который стремился поддерживать и развивать добрососедские отношения с заморскими странами. Но немало было и тех, кто противился переменам и называл Вахэя и его последователей «изменниками» и «предателями родины». В числе последних и находились представители влиятельного и древнего рода Мейга, которые не желали мириться с переделом власти и с тем, что во внутренние дела империи стали вмешиваться другие государства.

Далеко не все в империи поддерживали новую политику Вахэя – многие министры украдкой качали головами, подписывая очередной указ правителя, разрешавший кораблям заморских государств останавливаться в портах Тейсэна и вести торговлю. Никто из предшественников Вахэя не допустил бы такого. Тейсэн всегда гордился тем, что мог вести полностью

независимый образ жизни, обеспечивая себе достойное и сытое существование, и потому многие из власть имущих были недовольны переменами, которые затеял император. До поры никто не осмеливался выражать своё недовольство открыто: императора всецело поддерживали военные. Уважение к Вахэю среди правителей заморских государств также становилось только крепче, и с этим нельзя было не считаться.

Однако блистательное правление Вахэя окончилось с его безвременной кончиной. Кое-кто из его приближённых полагал, что император был отравлен, но доказательств этому так и не нашли. В пользу убийства государя говорило также и то, что очень уж своевременно Вахэй отправился в Страну Корней. У покойного императора осталась только одна наследница – принцесса Химико, которой в ту пору было всего четырнадцать. Разумеется, она пока не могла править самостоятельно, поэтому принцессе нужен был регент – и клан Мейга намеревался сделать им своего ставленника.

Но император Вахэй умудрился помешать их замыслам даже после своей кончины. Вскоре выяснилось, что император успел оставить завещание, в котором назвал имя регента своей несовершеннолетней дочери. Им стал генерал Исао Сакума, которому пришлось по такому случаю добровольно уйти в отставку и взять на себя управление страной. В самом деле, при дворе не нашлось бы человека, более преданного императорской семье, чем генерал Сакума. Хотя многие были недовольны этим назначением – не только клан Мейга, чьи грандиозные планы в очередной раз были сорваны, – некоторые влиятельные министры надеялись на повышение и остались ни с чем.

Должно быть, это и стало точкой невозврата, с которой клан Мейга и начал готовиться к перевороту. Теперь уже некогда было искать виноватых. Мятежники или одержат верх, или будут уничтожены.

Этой ночью, когда пламя восстания добралось и до Дайсина, принцесса должна бежать из дворца, чтобы спасти свою жизнь. Рассчитывать на милосердие захватчиков не стоило: теперь, когда они напали на столицу, им уже нечего было терять.

Если древний род Дайго прервётся... Дзину страшно было представить, что тогда воцарилось бы на землях Тейсэна. Люди уже забыли о давно минувшей эпохе воюющих княжеств, но некоторые ёкаи ещё помнили, как лилась кровь, сколько зла и бесчинств творилось повсюду. Множество смертей искажало движение ки в мире, равновесие было нарушено, и лишь объединившись, люди и ёкаи сумели остановить казавшуюся бесконечной войну...

Воистину, короткой у людей была не только жизнь, но и память.

Тяжёлые шаги, раздававшиеся в коридоре, Дзин узнал сразу. Исао Сакума, бывший генерал императорской армии, сильно прихрамывал на правую ногу – то с годами сказывались последствия тяжёлого ранения, полученного ещё в молодости.

Дзин должен был сопровождать регента и принцессу к убежищу, о котором знали только ближайшие доверенные лица Исао Сакумы, всё ещё сохранявшие верность императорскому роду. Даже Дзин не знал, где находится это место: настолько ревностно регент оберегал связанную с ним тайну. Всё, что он удосужился сообщить: они должны перебраться на другой берег реки Ито. Дзин предполагал, что, скорее всего, убежище находится в горах, где будет труднее напасть на их след.

Исао Сакума не стал тратить время на соблюдение формальностей и потому вошёл в покои принцессы без стука. Дзин согнулся в почтительном поклоне и краем глаза заметил, как из-за ширмы выскользнула принцесса, облачённая в серую рубашу и столь же неприметного цвета штаны-хакама. Лишь носки с отделённым большим пальцем светлым пятном выделялись в полутьме. За нею словно тень следовала служанка: совсем ещё молодая девушка, едва ли старше самой принцессы, которой в начале осени должно было сравняться пятнадцать.

Разумеется, если их побег удастся и её высочество доживёт до этого дня.

Сам же регент был облачён в военный мундир нового образца, который тейсэнцы переняли у своих западных соседей. Чёрный мундир с ярко начищенными золотыми пуговицами, орденами за боевые заслуги, блестящими на груди, и наплечниками, с которых скалилась морда Великого Дракона, – в нём Исао Сакума выглядел столь внушительно, что вызывал невольный трепет даже у Дзина, многое повидавшего на своём веку.

Регент окинул свою подопечную беглым взглядом и, удовлетворённо кивнув, проговорил:

– Вижу, вы уже готовы, ваше высочество. Но всё-таки я посоветовал бы вам скрыть лицо: никто не должен узнать о том, что принцесса покинула дворец. Боевой дух наших солдат нужно поддерживать всеми возможными способами.

Служанка лишь развела руками в ответ: ни одна из полупрозрачных вуалей принцессы не подошла бы к её нынешнему скромному наряду. Тогда Дзин снял со спины соломенную шляпу, висевшую на завязках, и с почтительным поклоном протянул госпоже.

– Прекрасно, – отметил регент, когда служанка помогла ей надеть шляпу. – Теперь пора.

– А что будет с О-Саэ? – забеспокоилась принцесса. – Я бы хотела взять её с собой.

– Не беспокойтесь обо мне, о-химэ-сама⁹. – Служанка потупила взор и принялась нервно заламывать руки. – Я буду ждать вашего возвращения во дворец.

Лгунья из О-Саэ была никудышная: голос её дрожал, как и губы, словно она вот-вот расплачется. Должно быть, понимала, что её ждёт – сироту, которой больше некуда было идти.

Дзину стало жаль девушку, но ничем помочь он не мог. Его главной заботой была и оставалась безопасность госпожи.

Между принцессой и регентом тем временем разгорался спор.

– Мы должны отправиться налегке, куда нам брать с собой неповоротливую служанку! – стоял на своём Исао Сакума. Голос его был всё так же спокоен, но глаза из-под насупленных седых бровей взирали на принцессу с ледяной строгостью.

Обычно покорная, на сей раз принцесса не пожелала мириться с жестокой необходимостью оставлять во дворце, который вот-вот захватят мятежники, свою служанку, к которой, должно быть, успела привязаться. Дзин узнал этот упрямый блеск в глазах принцессы: сдаваться она не намеревалась, а драгоценные минуты тем временем утекали, словно роса, которая тяжёлыми каплями падает с лепестков хризантемы на пожухлую осеннюю траву...

Разгоравшемуся между регентом и принцессой спору положила конец сама О-Саэ. Низко поклонившись своей госпоже и Исао Сакуме, она выбежала из покоев, и принцесса не успела удержать девушку.

Когда торопливые шаги О-Саэ затихли в отдалении, регент веско проговорил:

– Постыдитесь, ваше высочество. Служанка оказалась куда решительнее вас. Она знает, в чём заключается её долг. Теперь ваша очередь показать это.

Принцесса ничего не ответила: лишь сжала кулаки так крепко, что на татами упала капля крови. В неверном свете бумажного фонарика, который регент держал перед собой, Дзин видел, как ярко заблестели глаза принцессы, словно та вот-вот готова была заплакать. В глубине их затрепетали синие отблески, словно трепещущие на ветру метёлки мисканта...

Нельзя. Поберегите силы.

Дзин вложил в эту мысль всю свою волю и направил принцессе. Похоже, та что-то почувствовала, потому как в следующий миг уже взяла себя в руки. Колдовские огни во взгляде принцессы угасли так же быстро, как и появились, и регент не успел заметить резкой перемены в своей подопечной и её телохранителе.

⁹ Почтительное обращение к принцессе, на что указывает частица «о-» и последний иероглиф «-сама» (お姫様).

Плакать при мужчинах стыдились даже простолюдинки, что уж говорить о наследной принцессе? Хотя её можно было понять. По человеческим меркам её высочество была ещё ребёнком, к тому же потерявшим обоих родителей. Страну её раздирала междоусобица, грозившая перерасти в новую затяжную войну за передел власти, и жизнь принцессы, как и многих людей, могла оказаться в этой бойне лишь разменной монетой.

Сколько потерь ей ещё предстоит пережить за свою жизнь, думал Дзин. Должно быть, с меньшей из них ей придётся примириться прямо сейчас.

Принцесса шумно выдохнула: должно быть, Дзин и впрямь угадал направление её мыслей. Она направилась к своей постели – движения её высочества всё ещё были напряжёнными, но в них сквозила решимость.

Достав из потайного ящичка в изголовье небольшой свёрток, принцесса спрятала его за пазухой.

– Теперь я готова идти, – объявила она.

– Что это? – нечасто на морщинистом лице регента можно было увидеть изумление, но сейчас был как раз такой случай.

– Дорогие сердцу вещи, которые непременно следует сберечь.

Похоже, этот ответ удовлетворил Исао Сакуму, потому как мгновение спустя он уже, казалось, и думать забыл о таинственном свёртке и о недавней неприятной сцене со служанкой. Отодвинув раздвижную дверь и убедившись, что коридор в этой части дворца был тих и пуст, регент уверенно зашагал в сторону лестницы.

Даже несмотря на увечье, шаг старика был быстр и твёрд: сказывалась многолетняя военная выучка. Принцесса еле поспевала следом за ним, а Дзин замыкал их небольшое шествие. Его меч привычной тяжестью оттягивал пояс, все три кинжала, спрятанные в одежде на самый крайний случай, внушали ему уверенность в том, что за жизнь своей молодой госпожи он сможет постоять, что бы ни случилось.

Принцесса была подавлена: Дзин слишком хорошо знал её повадки и понимал, что означают эти поникшие плечи. Неужели она и впрямь так сильно переживает из-за служанки или же всё дело в страхе? Ведь никто до последнего не верил, что мятежники осмелятся штурмовать столицу и захватить дворец.

Как только стало известно о том, что оборону столицы прорвали, во дворце началась самая настоящая паника. Если на самом верхнем ярусе, где располагались покои императора и его семьи, не было ни души, то следующие четыре этажа дворца больше напоминали разорённый муравейник. Перепуганные слуги и придворные, с узелками в руках и за плечами, сновали по коридорам. Скрипели и хлопали раздвижные двери, откуда-то доносился детский плач.

В воцарившейся сумятице никто не обращал внимания на принцессу и её спутников. В нынешнем облачении и шляпе, чья тень почти полностью скрывала лицо, признать принцессу было попросту невозможно. Сейчас она больше напоминала прислужника, который вместе с телохранителем сопровождал господина регента к выходу из дворца.

Во дворе стояла не меньшая неразбериха, только теперь к людскому гомону добавилось тревожное ржание коней, стук копыт по мощёной дороге, ведущей к главным воротам, да скрип телег, на которых императорским гвардейцам подвозили недостающую экипировку и оружие, бочки с водой и маслом. В свете факелов и бумажных фонарей лица людей блестели от пота. Стоял самый разгар лета, и ночи были душные, а воздух – таким тяжёлым и густым, что становилось ясно: на Дайсин надвигается гроза.

Принцесса стала дышать тяжелее, она то и дело утирала лицо рукавом рубахи. Любая другая изнеженная придворная дама на её месте уже давно извела бы всех своими нескончаемыми стенаниями и капризами. Но её высочество ни словом, ни стоном не выдавала своей усталости и страха – лишь старалась держаться поближе к Дзину.

Луна и звёзды скрылись за низко нависшими тучами. Где-то в отдалении недовольно ворчал гром. Раскинувшийся в долине город почти целиком поглотила едкая дымка. Пожары полыхали всюду, куда хватало глаз, и с такого расстояния не разобрать было, то ли это мародёрствовали мятежники, то ли оборонявшие город специально поджигали телеги и заваливали улицы, чтобы задержать продвижение противника и не дать прорваться ко дворцу.

Долго задерживаться во дворе они не стали. С трудом вклинившись в толпу перепуганных обитателей дворца, принцесса и её спутники оказались по ту сторону замковых ворот.

Её высочество всё порывалась обернуться: то ли хотела бросить прощальный взгляд на замок, где прошла вся её жизнь, то ли высматривала кого-то в толпе беженцев – может быть, искала О-Саэ. Не давая ей отстать, Дзин подхватил принцессу под локоть, и вовремя – она вдруг запнулась о впопыхах брошенный кем-то узел и чуть не упала.

Плечи принцессы поникли ещё сильнее. Теперь она смотрела только себе под ноги и больше не оборачивалась.

Регент, стоило отдать должное его предусмотрительности, заранее позаботился о пути отступления. Неподальёку от крепостной стены, в тени парка, их уже ждал какой-то человек, держащий на привозе двух осёдланных коней. Витавший в воздухе страх передался и животным: один из коней рыл копытом землю, а второй то и дело скалил зубы и тревожно ржал.

Исао Сакума что-то тихо сказал коноводу, и тот, передав ему поводья, кивнул и влился в толпу людей, хлынувших из главных ворот. Вот только слуга пытался шагать против общего потока, что поразило Дзина. Какой приказ отдал ему регент? Наверняка человек этот был не простым коноводом: вряд ли Исао Сакума доверился бы первому попавшемуся слуге. Лица коновода Дзин так и не успел рассмотреть. Впрочем, в этом не было нужды: вряд ли они ещё раз встретятся. Чутьё подсказывало Дзину, что немногим удастся пережить эту ночь.

Верхом принцесса держалась неважно, и потому Дзин усадил её на круп своего коня. Исао Сакума, скривившись от боли, кое-как устроился в седле. О помощи он не просил, и Дзин, опасаясь оскорбить его, свои услуги предлагать не стал.

– На случай, если мы вдруг разделимся или меня убьют, езжай прямо к старой пристани, – велел регент, когда Дзин оседлал своего коня и подъехал ближе. – Там тебя будут ждать лодка и инструкции на тот случай, если дальнейший путь вы будете продолжать без меня.

О своей возможной гибели Исао Сакума говорил с таким хладнокровием, словно ему уже не раз доводилось умирать. Дзина всегда восхищала в людях подобная стойкость и принятие конечности своего бытия. Хотя ёкаи тоже были смертны, они всё же жили намного дольше. Может быть, именно поэтому духам никогда не приходило в голову размышлять о подобном.

Из парка они выехали быстро, и, преодолев мост надо рвом, понеслись вдоль реки. Гвардейцы, готовившие оборону моста, изумлёнными взглядами проводили двух всадников, мчавшихся туда, где шли бои. Но никто не посмел чинить им препятствий: должно быть, солдаты разглядели морду Дракона на генеральских наплечниках и поняли, кто был перед ними. Хотя Исао Сакума уже давно не командовал армией, не вёл своих людей в бой, а заседал на мягких подушках в приёмной зале дворца, воины помнили о его заслугах и продолжали чтить, будто бы он всё ещё был их командиром.

Теперь, когда они спустились в город, звуки битвы стали слышнее: палили ружья, отдалённым эхом доносились воинственные крики. Но ветер уносил большую часть звуков в сторону моря, и потому беглецы не могли разобрать ни слова: то защитники города кричали хвальбу императорскому роду, за который отдавали свои жизни, или же вопили мятежники, предвкушая скорую расправу над врагом?

Конь регента летел вперёд, словно гонимый ветром лист. Как бы Дзин ни старался понукать свою лошадь, которой с двумя всадниками было куда тяжелее, они всё же сильно отставали, пока наконец окончательно не потеряли Исао Сакуму из виду.

Вскоре гул выстрелов потонул в монотонном рёве пламени, которое подбиралось всё ближе к реке. Деревянные дома вспыхивали быстро, как солома, и тушить их было некому – многие жители или покинули город, или, взяв оружие, примкнули кто к защитникам столицы, а кто и к мятежникам.

От едкого дыма, заполонившего улицу своими цепкими щупальцами, принцесса закашлялась. До того она держала Дзина за пояс, но теперь убрала руки. К тому времени лошадь перешла на шаг: Дзин решил, что стоит дать ей небольшую передышку, пока он пытается понять, в какую сторону им ехать дальше.

Демоны бы побрали этот дым, который с каждым мгновением становился всё гуще! Он скрадывал знакомые очертания улиц, затапливал собою всё вокруг, так что в какой-то момент Дзину стало казаться, что они с принцессой во всём городе остались совершенно одни. К тому же запах гари перебивал собой все прочие, поэтому отыскать причал, доверившись чутью, нечего было и надеяться.

Чем дольше они стояли на месте, тем сильнее тревожилась лошадь. Она мотала головой и всхрапывала, словно близость огня пугала её.

Или же дело было в чём-то ином...

– Дзин, давай скорее уедем отсюда, мне здесь не нравится, – тихий и хриловатый после недавнего приступа кашля голос принцессы звенел от тревоги.

Он и сам понимал, что долго задерживаться на одном месте не стоит, и потому направил лошадь в ту сторону, откуда не так сильно смердело гарью. Принцесса то и дело оборачивалась. Она снова обхватила Дзина за пояс, и на сей раз руки её ощутимо дрожали.

Для человека у неё было сильное чутьё: Дзин не раз убеждался в том, что дар принцессы намного глубже, чем она могла осмыслить и принять. Ветер приносил ей новости со всех земель и даже из-за моря. А иногда она могла прозревать сквозь толщу ушедших или грядущих времён и слышать голоса тех, кто давно ушёл.

Но на сей раз Дзин и сам чувствовал: что-то затаилось в густой тени и наблюдало за ними. До него доходили слухи о том, что к восстанию клана Мейга примкнуло множество колдунов, но об участии ёкаев в войне Дзину ничего известно не было. Некоторые духи любили пожить на местах сражений. Столько силы утекало из мёртвых тел, столько непрожитых лет...

Однако затаившийся в тени ёкай явно был не из их числа. Его не интересовали жертвы восстания, которые стали попадаться на пути всё чаще. Он неотрывно следовал за Дзином и принцессой, стараясь не показываться на свету. Лишь однажды Дзин увидел голодный блеск в глазах ёкая – их у него, казалось, было больше, чем костей в логове одержимого злым духом медведя. Несомненно, он чувствовал силу принцессы – некоторые ёкаи любят охотиться на людей, имеющих способности к колдовству.

– Ты не получишь её, убирайся отсюда, – прошипел Дзин. В присутствии людей он никогда не говорил – всё равно они не слышали бы его голоса. Вот почему все считали его немым, и Дзин не спешил развеивать это заблуждение.

Но принцессе мир духов был ведом ничуть не хуже, чем Дзину – мир людей, и потому она вздрогнула, услышав его слова. Теперь и она заметила их преследователя, отчего задрожала ещё сильнее.

Ёкай в ответ лишь раззявил пасть, откуда вылез длинный мясистый язык, и облизнулся, разбрызгивая ядовитую слюну. Принцесса ещё крепче вжалась в спину Дзина, а тот всё понукал и понукал лошадь, чтобы она мчалась быстрее. Перепуганное животное и без того несло вперёд из последних сил: увидеть духа оно не могло, но исходящую от него злобу наверняка чувствовало.

Многоглазый ёкай был медлителен, и потому вскоре начал заметно отставать. Чтобы окончательно сбить его со следа, Дзин повернул в сторону ещё не охваченного огнём квартала.

Теперь, когда дыма вокруг стало меньше, Дзин сумел понять, где они находились. Старый причал, о котором говорил Исао Сакума, был уже совсем близко. В налетевшем ветерке Дзин ясно ощутил дыхание реки...

Но очередной дух, преградивший им путь, возник впереди так неожиданно, что Дзин едва успел подхватить принцессу и спрыгнуть со спины обезумевшей от ужаса лошади. Она так и не успела остановиться, и огромный ёкай, который занял собой всё свободное пространство между стенами стоявших напротив домов, раззявил пасть, куда лошадь и угодила.

Дух сомкнул челюсти, и хребет несчастного животного оглушительно хрустнул. Дзин не стал дожидаться, когда ёкай дожуёт останки и переключится на них. Крепко прижимая к себе принцессу и не давая ей смотреть на брызнувшую во все стороны кровь, Дзин высвободил силу, которая вскипала в его крови вместе с яростью...

В один миг тело его удлинилось, человеческие руки превратились в когтистые лапы с мягкими подушечками на месте ладоней. Кожа покрылась лоснящейся белой шерстью, а на лбу и спине прорезались костяные наросты, покрытые древними защитными символами: их когда-то наносила мать.

После обращения он стал куда больше, чем застрявший между домами ёкай. И тот, увидев, кто стоит перед ним, задрожал от испуга.

– *Пошёл прочь, ничтожество*, – прорычал О-Дзиру.

Одного сурового взгляда было достаточно, чтобы дух лишился всех своих сил. Сожравший лошадь ёкай испуганно пискнул и, превратившись в тёмную тень, шмыгнул в какой-то проулок и был таков.

Не стоило вставать на пути у того, кто был ему не по зубам.

Теперь, когда О-Дзиру снова был самим собой, весь мир стал словно объёмнее и ярче. Он ощутил отголоски страха, исходившие от изгнанного им духа. Преследовавший их многоглазый ёкай тоже поспешил улизнуть, пока гнев О-Дзиру не обрушился и на него.

Хотя прежде принцессе не доводилось видеть истинного облика своего телохранителя, в биении её силы не ощущалось испуга. Любой другой колдун на её месте давно бы обмер от ужаса или бросился бежать, но её высочество могла видеть глубже, чем прочие из её рода, и потому ощущала лишь благоговение и восторг.

Живая сила струилась по его жилам, переполняла от хвоста до подушечек лап, и О-Дзиру издал ликующий рык, от которого содрогнулись все стоящие окрест дома.

Убедившись, что принцесса крепко держится за длинную белую шерсть на его груди, О-Дзиру со всей силы оттолкнулся от земли и взмыл в небо.

Он уже и забыл, каково это – летать. Какая чистая радость охватывает, когда ночное дыхание ветра ласково гладит по шерсти, нашёптывает пожелания счастливого пути...

Иначе и быть не может, если ты – Бог Дорог.

Эта почётная должность досталась О-Дзиру, когда роговые наросты на его спине окончательно окрепли. Несколько сотен людских жизней можно было прожить за этот срок, который пролетел как один миг. Казалось бы, ещё вчера О-Дзиру повстречался с первым из Дайго, когда он был лишь простым монахом. Храбрый и самоотверженный, у него было сердце настоящего дракона. Родись он ёкаем, стал бы одним из Великих Князей. Маленькая принцесса была очень на него похожа и лицом, и нравом. Мягкая и сострадательная, но, как и подобает истинному правителю, с волей порой твёрже алмаза. Кровь брала своё, от этого никуда нельзя было деться, как и от того, что предназначено судьбой...

Принцесса дрожала от недавно пережитого ужаса, к которому теперь добавился новый страх – они летели так высоко, чтобы другие ёкаи не могли до них добраться.

И откуда те двое взялись у них на пути? – сердился О-Дзиру. Долгая жизнь среди людей научила его не верить в совпадения и не искать простых объяснений. Те духи будто бы точно знали, где проедет принцесса, и поджидали их. Кроме приближённых регента, никому не было

известно о том, что её высочество покинет дворец. Выходит, и среди этих людей могли затесаться предатели.

Но поразмышлять об этом дольше О-Дзиро не успел. Прямо в хребет ударила молния, и полный боли рык божества огласил окрестности. В ответ на гнев Бога Дорог содрогнулась земля, и даже стоявший на возвышении императорский дворец пошатнулся, будто вот-вот собирался рухнуть, как сложенный из бумаги домик...

* * *

В чувство его привёл зов – такой сильный и властный, что разум не сумел на него не отозваться, хотя тело было ослаблено и изранено.

Поначалу, только открыв глаза, Дзин некоторое время не мог понять, где находится и что с ним случилось. Но затем память услужливо подбросила воспоминания о том, что было после того, как он принял истинный облик.

Полёт по ночному небу над охваченным пожаром городом.

Тонкие пальцы, уцепившиеся за шерсть на груди.

Молния...

Лишь теперь Дзин почувствовал холод дождевых капель, струившихся по лицу. Дождь заливал из пробитой крыши, и Дзин какое-то время тупо пялился в тёмное небо.

Разве летом бывает такой холодный дождь?

С трудом подавив накотившую слабость, Дзин приподнялся на локтях и со стоном сел. Похоже, он упал на чей-то дом: повсюду валялись обломки стропил и мебели, рваные сёдзи...

Но где же принцесса?

Дзин попытался было позвать её, но что-то мешало ему, словно комом встало поперёк горла. Вдруг грудь словно стянуло раскалённым обручем, и он хрипло закашлялся. По подбородку потекло нечто вязкое и тёплое. Стерев струйку тыльной стороной ладони, Дзин увидел кровь.

Похоже, его телесной оболочке осталось недолго. Удивительно, как она вообще ещё держалась: обычные люди после удара молнии и падения с такой высоты не выживают. Должно быть, божественная сила пока ещё поддерживала оболочку и не давала умереть.

Вот только Дзин не был уверен, что поддержки этой хватит надолго.

Справившись с очередным приступом кашля, Дзин тихонько окликнул принцессу. Но никто не отозвался: лишь зов, пробудивший его от беспамятства, снова яркими искрами рассыпался где-то в отдалении. Это внушало надежду: зов крови Дайго он не спутал бы ни с чем другим. Значит, принцесса была ещё жива. Нужно как можно скорее отыскать её и доставить в безопасное место.

Шатаясь, Дзин поднялся на ноги. Прицепленный к поясу меч он потерял, а вот все три кинжала по-прежнему были при нём. Что ж, хоть какая-то хорошая новость. Без оружия в охваченном смутой городе ему могло прийти совсем тяжко.

Взобравшись на обломки массивного комода, Дзин с трудом подтянулся на дрожавших от слабости руках и вылез на крышу. Спина и бока болели так, будто его пытались забить насмерть в какой-то подворотне и лишь чудом он спасся.

Что ж, в какой-то степени так оно и было.

Ледяные капли дождя пробирались за шиворот, неприятно стекали по лицу. Соломенные сандалии совсем промокли, и каждый шаг Дзина отдавался неприятным чавканьем – будто кто-то хлебал остывший бульон. Дзин порадовался тому, что дом, на который он упал, был крыт соломой, а не черепицей – иначе он не сумел бы сделать и шагу, не переломав себе обе ноги.

Его одолевали всё новые приступы кашля, и каждый раз крови отходило всё больше. Её медный привкус тяжестью оседал на языке, но Дзин вскоре перестал обращать на него внима-

ние. Если бы у него были силы, он со всех ног бросился бы на зов, который вёл сквозь улицы, заваленные телами и обломками обгоревших домов. Но человеческое тело слабело с каждым мгновением, и Дзин еле переставлял ноги. В конце концов при первой же возможности он спустился с крыши: ещё одного падения Дзин мог попросту не пережить. Кто тогда защитит её высочество?

Нужно продержаться ещё немного, твердил Дзин, заставляя себя двигаться дальше. Посадить принцессу на лодку – а там уже и до гор рукой подать...

Близость к земле, родной стихии, придала ему сил, и Дзин даже сумел ускорить шаг, насколько это было возможно при его состоянии. Его шатало из стороны в сторону, словно хмельного, и он то и дело хватался за стены домов. Зов крови Дайго не смолкал, и только осознание того, что принцесса всё ещё жива, давало ему силы не отвлекаться на стоны раненых, которые изредка доносились из-под почерневших от копоти обломков.

Он не может спасти всех. Не может отдать остатки своих сил всем, кто нуждается в помощи. Если принцесса погибнет, то жертва павших защитников столицы окажется напрасной...

Словно в насмешку над его надеждами где-то в отдалении вдруг раздался истошный женский крик. Дзин с трудом заставил себя перейти на бег. Кровь бешено стучала в висках, перед глазами то и дело стлалась тёмная пелена, словно пытаясь отрезать его от остального мира.

Не сейчас, только не сейчас. Дай мне ещё немного времени...

Никогда ещё человеческая личина не казалась ему такой неповоротливой, как в эти минуты, которые тянулись дольше, чем вечность, пока Дзин бежал в ту сторону, откуда доносилось эхо уже отзвеневшего крика. Он молился Сэйрю – молился так истово, как никогда в жизни.

Я готов исполнить свой долг и умереть. Только пусть Дайго-но Химико спасётся, пусть живёт...

Зов привёл его напрямик к дворцовым воротам – точнее, к тому, что от них осталось. Сбылись худшие опасения регента и его приближённых – дворец пал. Но отчего зов привёл его сюда? Неужели...

Какая-то сила разметала обломки ворот по двору, оборвав жизни многих защитников дворца. Те немногие, кто уцелел, лежали на залитых кровью камнях, которыми была вымощена подъездная дорога. Они провожали Дзина пустыми и равнодушными взглядами. Никто не пытался задержать его, окликнуть, да и Дзин не стал тут задерживаться. Этим людям ничем нельзя было помочь.

Страна Корней уже распахнула для них свои врата...

Зов вёл дальше, и чем ближе Дзин подбирался ко дворцу, тем тяжелее становилось у него на сердце. Принцессы не должно было быть здесь. Глупое человеческое дитя, ну зачем, зачем ты вернулась?..

Со стороны дворца снова закричала женщина, и Дзин, собравшись с последними силами, припустил вперёд по скользкой от дождя и пролитой крови дороге.

Площадь у самого дворца была завалена телами солдат, до последнего вздоха защищавших дворец. Среди тусклого блеска доспехов Дзин разглядел и пёстрые кимоно придворных: как он и предполагал, убежать успели далеко не все.

Дзин крался вдоль полуразрушенной крытой галереи, которая вела в один из павильонов в саду. Раньше это место оглашалось пением птиц и бречением кото или сямисэна, в игре на которых упражнялись фрейлины принцессы. Теперь же дворец накрыла глубокая тишина, словно одни лишь мёртвые остались править этим местом.

Но чутьё подсказывало Дзину, что это не так. И наверняка то были захватившие дворец мятежники: останься в живых кто-то из солдат, они наверняка продолжили бы сражаться, и звуки боя были бы слышны ещё на подступах ко дворцу.

Когда Дзин проходил мимо лежавшей ничком бедно одетой женщины – должно быть, прислуги, – тело её вдруг неестественно изогнулось. Дзин сделал шаг в сторону и выхватил кинжал из ножен на поясе. Даже если какой-то дух вздумал поглумиться над мёртвыми и занять их тела, Дзин быстро пресечёт столь неуместное в подобных обстоятельствах веселье.

Но в следующий миг, когда из-под тела женщины показалась детская ручонка, Дзин понял свою ошибку. Он перевернул убитую и тут же столкнулся с огромными, полными слёз глазами.

Мальчишке на вид было не больше пяти. Он дрожал, не сводя взгляда с кинжала, который Дзин всё ещё сжимал в руке.

– Мама, – едва слышно прошептал он, слабо тряся за плечи безмолвное тело.

Вдруг за пеленой дождя, у самого входа во дворец, зашевелились какие-то тени. Звякнул меч, раздался чей-то надсадный хрип... Похоже, искали раненых и добивали.

И мальчишку непременно убьют, если найдут, – кто станет жалеть осиротевшего оборванца? Дзин осторожно опустился рядом с ним на колени и заглянул мальчишке в глаза.

– *Тебе нужно бежать*, – твёрдо произнёс он, не уверенный, впрочем, что ребёнок поймёт хотя бы слово. – *Мать отдала жизнь, чтобы спасти тебя. Сделай всё для того, чтобы эта жертва не оказалась напрасной.*

С этими словами Дзин сунул мальчишке кинжал, который казался неестественно огромным в по-детски тонких ручонках, а затем потрепал его по голове и направился в ту сторону, откуда прежде доносился крик женщины. Он сделал для ребёнка всё, что мог: остальное теперь от него не зависело.

Когда позади раздался чей-то торопливый топот, Дзин оглянулся. Мальчишка, сжимая кинжал в руке, улепётывал по подъездной дороге со всех ног. Если он выживет, из него вырастет сильный воин, крепкий и телом, и духом, подумал Дзин.

Когда впереди замаячили две внушительные фигуры, Дзин едва успел спрятаться за обломками перевёрнутой телеги. Рядом с ним лежали двое мертвецов: одного придавило колесом, отчего бедняга, похоже, и умер, а второму отрубили голову, и он упал тут же, совсем рядом. Дзин заметил на поясе павшего кинжал и тихонько вынул его из ножен. Оружие наверняка ему ещё пригодится.

Здоровяки тем временем подходили всё ближе к тому месту, где затаился Дзин, и он заметил, что на их доспехах не было гербов и каких-либо знаков отличий. Мятежники. Сброд, собранный кланом Мейга со всей империи.

Лица воинов были скрыты за тёмными платками, и они чуть ли не волоком тащили под локти девушку в роскошном многослойном кимоно. Хотя оно промокло от дождя, Дзин сразу узнал одеяние принцессы, расшитое золотой нитью...

Он застыл на месте, не в силах поверить в увиденное. И, словно звонкая пощёчина, его посетила отрезвляющая мысль: пока он прохлаждался после неудачного приземления, её высочество поймали, и теперь даже самый неудачливый игрок не даст за её жизнь завалящего медного сена...

Принцесса снова закричала не своим голосом и попыталась вырваться из хватки тюремщиков. Но не тут-то было: один из них так сильно встряхнул девушку, что голова её безвольно motнулась в сторону, как у детской тряпичной куклы.

Должно быть, крик отнял у неё последние силы, потому как больше принцесса не сопротивлялась грубому обращению и стерпела даже то, что её поставили на колени – прямо перед павшими солдатами и придворными. Лишь теперь, когда принцесса была к нему так близко, Дзин увидел, что она напудрена. Из длинных тёмных волос принцессы кто-то не очень умело соорудил отдалённое подобие сложной парадной причёски. Дождь смыл часть белил, отчего лицо принцессы казалось каким-то застывшим и неживым, а из наспех сделанной причёски

выбилося несколько тёмных прядей, которые струились по поникшим плечам, словно попавшая в воду тушь.

Неожиданно ведущие во дворец ворота распахнулись, и через порог шагнула молодая женщина. Она была невысокой и изящно сложенной, её нарочито лёгкая и беззаботная походка составляла резкий контраст с залитой кровью площадью перед дворцом. Так вольготно себя будет чувствовать только тот, кто безоговорочно уверен в своей победе. Должно быть, женщина играла не последнюю роль в подготовке восстания.

Только когда она подошла к стоявшей на коленях принцессе почти вплотную, Дзин сумел получше рассмотреть её лицо – и тут же замер, поражённый увиденным.

То была придворная целительница.

Когда она склонилась над принцессой и спросила что-то, а та не удостоила её ответом, целительница подняла узкую бледную ладонь и отвесила звонкую пощёчину. Дзину стоило немалых трудов, чтобы удержаться на месте и не выдать себя раньше времени. О, теперь он всё понял!

Подлая змея! Как посмела она поднять руку на кровь Дайго? Жалкая гадина, которую покойный император по слабости пригрозил и облагодетельствовал... Вот как она отблагодарила его за оказанную милость?

Возгоревшийся в сердце гнев придал Дзину сил. Он понял, как следует поступить, и потому, сделавшись невидимым, поднялся из своего временного убежища во весь рост.

В каждом рукаве у него было припрятано по кинжалу, и ещё один он снял с пояса убитого воина. Дзин крепко зажал его в кулаке и медленно, словно затаившийся в высокой траве хищник, начал приближаться к той, которую он должен был раздавить раз и навсегда.

Ещё восемь шагов, и кинжал найдёт свою цель. За всю свою нечеловечески долгую жизнь Дзин ещё ни разу не промахивался.

Семь...

Предательница, чьё имя недостойно было звучать в присутствии крови Дайго, вдруг схватила принцессу за волосы и потянула на себя.

Шесть...

Лицо принцессы было залито слезами. Худенькие плечи тряслись от едва сдерживаемых рыданий.

Пять...

Она воздевала свои тонкие руки к небу. Искусанные до крови, её губы шевелились, но до Дзина не долетало ни слова.

Четыре...

Мучительница снова склонилась над принцессой. Пока она шептала ей что-то, Дзин успел метнуть кинжал прямо в шею одного из воинов, стоявших чуть поодаль от женщин.

Три...

Смертельно раненный воин тяжёлым кулем свалился на землю, но охваченная неистовством целительница, казалось, ничего вокруг себя не замечала. Но от второго воина не укрылась гибель его товарища, и он, обнажив меч, принялся озираться – оставшегося невидимым Дзина он попросту не мог заметить. Дзин же тем временем подготовил к броску второй кинжал.

Два...

Рука Дзина среагировала быстрее, чем разум, и предательница отшатнулась от принцессы, прижимая руки к окровавленному лицу...

Один...

Третий кинжал, заготовленный для оставшегося в живых воина, нашёл свою цель. Но Дзин не мог и представить, что здоровяк соберёт все силы для последнего в своей жизни броска и окажется подле принцессы. Он занёс меч над головой её высочества, и последним, что Дайго-но Химики увидела перед смертью, было лицо её убийцы.

Когда Дзин понял, что не успеет даже отбросить противника в сторону с помощью магии, было слишком поздно: острое лезвие отсекло принцессе голову, словно то был побег молодого бамбука.

Дзин услышал чей-то пронзительный вопль. И когда кровь хлынула из горла принцессы, он понял, что крик этот вырывался из его груди...

Глава 7. Уми

Служанка затянула пряди на висках сильнее, чем требовалось, и Уми сдавленно охнула. – Ах, простите! – тут же всполошилась служанка и чуть ослабила хватку. – Так лучше?

Уми кивнула, и девушка, что-то тихонько напевая себе под нос, ловко закрутила густые чёрные пряди и подоткнула их гребнем. Уми видела, как мелькали руки служанки в отражении зеркала, стоявшего на низеньком столике. Уми сидела в одном нижнем кимоно – белом и лёгком, как утренняя дымка над рекой. Обнажённых ног ласково касался приятный ветерок, который задувал в открытое окно. Дневная духота постепенно начинала спадать, и совсем скоро ей на смену должна была прийти приятная вечерняя прохлада. Уми с нетерпением ждала этого момента. Быть может, если смотрины пройдут хорошо, ей удастся перед ужином ненадолго улизнуть из дома и погулять у реки.

Голос служанки прервал размышления Уми:

– Как вам причёска, молодая госпожа?

Девушку звали Нон, и она была едва ли старше самой Уми. У неё было округлое веснушчатое лицо с большими, будто бы вечно удивлёнными глазами. Обычно Уми одевалась и делала себе причёски сама, но по особым случаям к ней в помощь присылали Нон. По части причёсок и макияжа Нон и впрямь была большой умелицей, хотя в основном она помогала Томоко работать на кухне.

Уми покрутила головой, осматривая себя в зеркале.

– Мне нравится. Но, кажется, чего-то всё-таки не хватает, – с сомнением проговорила она.

Нон закивала.

– Вот и мне так показалось, молодая госпожа. Нужно что-то, что подчеркнulo бы нежный цвет вашего наряда.

Уми покосилась на персикового цвета кимоно, аккуратно повешенное на стойку, чтобы ткань не измялась раньше времени. Она знала, какое украшение подошло бы к кимоно больше прочих. Но о шпильке, принадлежавшей матери, даже думать не хотелось.

С другой стороны, отец будет доволен, если она наденет кандзаси именно сегодня, на первые смотрины. Уми чувствовала себя неловко за то, что так толком и не поблагодарила отца за подарок. Он столько лет хранил эту шпильку, даже подыскал для неё такую удивительную шкатулку...

– Есть у меня кое-что, – проговорила Уми и указала Нон на шкатулку, где лежала кандзаси. Служанка тут же поспешила принести её, и Уми аккуратно нажала на маленькую бабочку на крышке шкатулки.

– Какая красота! – выдохнула Нон, стоило ей только увидеть изящную кандзаси.

Да, с этим и впрямь было трудно поспорить: в лучах уходящего дня золотые ножки шпильки сверкали ярче прежнего. А коралловый шарик и впрямь должен был чудесно оттенить чёрные волосы Уми, добавив её облику нежности и утончённости.

Нон так загорелась идеей украсить причёску этой шпилькой, что Уми не стала её отговаривать. Она утешала себя тем, что шпильки на себе она не увидит, даже повернувшись боком к зеркалу: Нон осторожно вставила её в самую середину причёски, на затылок.

Закончив с причёской, служанка опустилась на колени рядом с Уми и открыла шкатулку, где хранилась косметика. Самая сложная часть подготовки осталась позади: с макияжем привычные руки Нон должны были справиться быстро.

Если в любой другой день Уми с интересом наблюдала бы за работой служанки, чтобы потом суметь сделать такую же изящную причёску своими силами, то сегодня мысли её были далеко.

Надо же было такому случиться, чтобы колдун сам пришёл к ней – да ещё и ровно в тот же день, когда она только узнала о своём проклятии! Знала ли бабушка Абэ, кого посылает в усадьбу Хаяси, или же это не более чем удачное стечение обстоятельств? Как бы то ни было, оно оказалось Уми только на руку.

Она совсем не испугалась, когда узнала, что Ямада колдун. Он не производил впечатление плохого человека и полного мерзавца, какими принято было выставять всех колдунов без разбору. Судя по его скромной одежде, непривычно короткой стрижке и огромному деревянному, с медными кольцами посоху, Ямада был странствующим монахом. Они редко забредали в окрестности Ганрю – слишком уж далеко город находился от известных Уми монастырей и больших храмов, – но иногда это всё же случалось. А священники и монахи, насколько Уми слышала, не подвергались преследованиям со стороны тайной полиции. Так что ей было нечего бояться – никто не посмеет обвинить её в связи с колдуном.

Поделившись с Ямадой своей бедой, Уми почувствовала себя намного спокойнее, словно доверилась старому и надёжному товарищу, который обязательно поможет ей. Она привыкла, что у окружающих её мужчин слова никогда не расходились с делами, и потому была уверена в том, что Ямада не подведёт.

«Пока вам опасаться нечего, – заверял Ямада. – Проклятие только недавно проявило себя – для того, чтобы начать действовать в полную силу, потребуется время. Другие люди не смогут увидеть отметину на вашем предплечье, так что неудобных вопросов можете не бояться. А я обязательно отыщу способ, как вам помочь...»

Лицо у Ямады было подвижным и добродушным, а когда он говорил, то смотрел прямо в глаза, открыто и честно. Вряд ли у этого человека за душой скрывались какие-то тёмные тайны. Уми даже немного устыдилась того, что позволила себе насмеяться над ним сегодня...

– *Что, тебе красавчик-монах тоже задал в душу?*

О-Кин по обыкновению своему подкралась очень тихо. Уми вздрогнула от неожиданности, чем очень испугала Нон, которая ни видеть, ни слышать ёкай не могла.

– Ах, ну вот! – всплеснула руками Нон. – Помада размазалась...

– Прости, это моя вина, – проговорила Уми, стараясь не смотреть на ужимки О-Кин, которая от смеха чуть не закатилась под низенький столик.

– Нет-нет, что вы! Сейчас я принесу немного воды и подкрашу губы заново.

И Нон торопливо скрылась в коридоре. Уми дождалась, пока шаги служанки стихнут на лестнице, и повернулась к О-Кин.

– Сколько раз я просила тебя не говорить со мной в присутствии других людей?

Но ёкай лишь отмахнулась от неё. Она уселась перед зеркалом и принялась подкрашивать губки, гримасничая, как неопытная актриса из дешёвого уличного балагана.

– *Да ладно тебе. Все они и так знают, что ты немного с приветом.*

Уми с трудом удержалась от того, чтобы не толкнуть О-Кин прямо под локоть, чтобы на её лице так же заалела полоса смазанной помады.

– *Ну так что, О-Кин угадала?* – не унималась ёкай, хитро косясь на Уми в отражении зеркала. – *Тебе понравился этот монашек? У тебя был такой мечтательный вид, словно ты уже грезил о вашей свадьбе! Или твоё сердце уже навеки отдано другому? Ах, бедный мальчик! Сомнений нет, ты ему точно задала в душу – он с тебя глаз не сводил!*

– Глупости какие! – нахмурилась Уми. – Мы с ним просто разговаривали – на кого ещё ему было смотреть? Не на тебя же?

– *О-Кин была бы не против,* – хихикнула она. – *Но, поверь, ты пришла к нему по сердцу – у О-Кин на такие вещи нюх! Вот увидишь, не пройдёт и недели, как он позабудет все свои обеты и придёт к тебе с признанием...*

Уми лишь хмыкнула и покачала головой. Поддерживать шутовское настроение О-Кин и смеяться над Ямадой ей совершенно не хотелось.

– Ты слишком напряжена. – Ёкай закончила краситься и снова повернулась к Уми. – Мужчины не любят зажатых девушек. Так тебя никто и замуж не возьмёт.

– Да я туда и не рвусь, – пожалала плечами Уми.

О-Кин смерила её странным взглядом, но ничего больше не сказала. Пока Нон не вернулась, Уми решила не тратить время попусту и начать одеваться. Хотя, если бы на то была воля Уми, наряжаться и краситься на смотрины она бы точно не стала, а отправилась на встречу с будущим супругом такой, как в обычной жизни, – в простенькой рубаше и штанах-хакама, без вычурной причёски и макияжа, за которым порой с трудом удавалось разобрать черты лица.

Ведь если так подумать, все эти смотрины – сплошной обман, особенно для мужчин. На смотринах он видит наряженную и скромную красавицу, а после свадьбы окажется, что молодая супруга и лицом-то особо не вышла, да и характер у неё оставляет желать лучшего. Так к чему всё это притворство? Уми много раз слышала истории о том, как вскоре после свадеб мужчины отсылали своих жён обратно к родителям и просили о разводе. И причины на то были разные: кто-то свекрови не угодил, из кого-то не вышло приличной хозяйки или матери, третьи были пойманы на изменах, а четвёртые сами доводили мужей до развода, лишь бы больше не видеть их попойки и гулянок да не слушать потом остаток ночи оглушительный храп на весь дом...

Вскоре вернулась Нон, и при ней О-Кин стала вести себя приличнее. Служанка быстро подправила макияж, помогла Уми красиво завязать пояс, и вот, наконец, с приготовлениями было покончено.

Судя по оживлённым голосам, доносившимся с первого этажа, вся усадьба Хаяси пришла в движение. Топот служанок, натиравших полы и украшавших чайную к встрече гостей, голос Томоко, которая руководила работами и наверняка вертелась как сверчок в клетке, – такое оживление воцарялось в доме только по большим праздникам. А смотрины, вне всяких сомнений, можно было назвать событием, далеко выходящим за рамки привычных будней любой семьи в империи Тейсэн.

Наконец, к назначенному часу Уми осторожно спустилась на первый этаж и прошла в чайную, двери которой были полностью раздвинуты, обнажая убранство комнаты со всех сторон.

По углам чайной и на невысоком комодике стояли хрустальные вазы с живыми цветами. Такие вазы везли из самого Глэндри, где, если верить слухам, о фарфоре и знать не знали. Хрусталь был полупрозрачный и твёрдый, а, если по нему ударить ногтем, он издавал приятный и высокий звон.

К середине восьмого месяца уже вовсю цвели лилии и подсолнухи, выюны и цветы, которые в народе называли «любящим сердцем». Алые соцветия их и впрямь напоминали форму человеческого сердца, и потому цветами этими часто обменивались друг с другом влюблённые и ими же потом украшали свадебные церемонии. Какая-то умелица красиво расставила цветы по вазам, отчего чайная сразу приобрела нарядный и праздничный вид.

На время смотрин из чайной вынесли курильницу с тлеющими благовониями: аромат цветов был настолько крепким и стойким, что его одного было более чем достаточно. Не хватало ещё, чтобы на смотринах кому-то стало дурно!

Возле низенького столика Уми уже ждал отец: он тоже по такому случаю приоделся в тёмно-зелёное кимоно с широким поясом, украшенным вышивкой из золотой нити. Стоило Итиро Хаяси увидеть дочь, как глаза его радостно блеснули, и он с одобрением закивал. Уми отметила, что давно не видела отца таким расслабленным и спокойным.

Уми поклонилась ему и опустилась на положенное ей место, по левую руку от отца. С правой стороны от главы дома должна была сидеть мать невесты, или её бабушка, или же наставница девушки. Но других родственников, кроме отца, у Уми не было, а её наставницу Итиро

отпустил с тех пор, как Уми начала работать в игорном доме. Поэтому сегодня место по правую руку от отца пустовало.

Отец ободряюще улыбнулся Уми, и та почувствовала себя немного увереннее. Хотя волнение, от которого она ещё так недавно пыталась смело отмахнуться, постепенно брало своё. Уми надеялась лишь, что у неё не будут сильно дрожать руки, когда придётся разливать гостям чай – сегодня это была её прямая обязанность, чтобы продемонстрировать сватам и жениху, что она готова стать полноправной хозяйкой дома.

Сваты приехали вовремя, минута в минуту. Колокол в ближайшем к усадьбе святилище Сэйрю ещё не закончил отбивать час Обезьяны, как они уже деловито вплыли в чайную.

Их было двое, мужчина и женщина, обоим лет за пятьдесят. Они были похожи друг на друга, как брат и сестра, но на деле, как Уми уяснила из велеречивых приветствий, которыми обменялись присутствующие, эти двое являлись родителями жениха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.